

У. 371.
1117

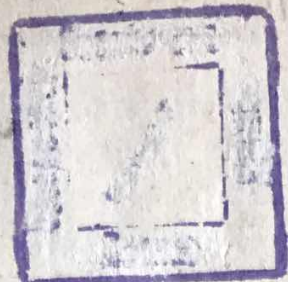
В. Р. Ваврикъ

**Жизнь и дѣятельность
Ивана Николаевича
Далибора Вагилевича**

Львовъ 1934.

Типографія Ставроп. Инстит. въ арендѣ З. М. Медыцнаго Львовъ, ул. Бляхарская 9.

У 1117
БИБЛІОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Жизнь и дѣятельность Ивана Николаевича Далибора Вагилевича

I. БІОГРАФІЯ.

ИСТОЧНИКИ: Наиболе точныя справки о жизни Ивана Вагилевича находимъ въ литературныхъ работахъ Я. Э. Головацкаго: „Судьба одного галицко-русскаго ученаго“ и „Къ исторіи галицко-русской письменности“. Обѣ работы напечатаны въ журналѣ „Кіевская Старина“, т. VI. Кіевъ, 1883. Почти буквально ими воспользовался Омелянъ Огоновскій въ статьѣ: „Иванъ Вагилевичъ“ въ пособіи: „Исторія литературы руской“, Львовъ, 1894 (ч IV., стр. 119—137). Большое значеніе имѣетъ статья Павлина Свѣнцицкаго-Стахурскаго: „Jan Wagilewicz“, напечатанная въ его-же журналѣ „Sioło“. Pismo zbiorowe, poświęcone rzeczym ludowym ukraińsko-ruskim. Lwów, 1866. Справочныя указанія можно найти въ трудѣ Владиміра Коцовскаго: „Иванъ Вагилевичъ“, напечатанномъ въ изданіи Игнатія Онышкевича: „Руска бібліотека“, ч III. Львовъ, 1884. Весьма цѣннымъ автобіографическимъ матеріаломъ являются: „Листы Ивана Вагилевича до М. П. Погодина“ въ той-же „Руской бібліотекѣ“ И. Онышкевича.

Иванъ Вагилевичъ, какъ почти всѣ галицкіе писатели, вышелъ изъ священнической семьи; родился 2-го сентября 1811 г., въ Ясенѣ Горномъ, селѣ стрыйскаго уѣзда, гдѣ его отецъ, Николай былъ настоятелемъ тамошняго гр.-кат. прихода. Окрестность, надъ быстрою рѣчкою Ломницею, въ Карпатскихъ полонинахъ, оставила въ чувствительной памяти мальчика глубокіе слѣды: весело и беззаботно проходили тогда его юные дни¹). Но пришелъ седьмой годъ. Родители отвезли сына въ городъ Бучачъ, въ начальное училище, которое было подъ надзоромъ монаховъ Василіанъ. Тяжело шло сначала ученіе; съ трудомъ приходилось сосредоточивать мысли на предметахъ, преподаваемыхъ по нѣмецки. Цѣль же таки была достигнута. Такъ какъ въ Бучачѣ въ то время не было средняго учебнаго заведенія, то Вагилевичъ былъ переведенъ въ г. Станиславовъ, въ классическую гимназію, гдѣ, по свидѣтельству Я. Э. Головацкаго²), дѣлалъ хорошіе успѣхи и окончилъ въ 29 г. шесть классовъ.

¹) „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель (1835—1861), Москва, 1880. Письмо И. Н. Вагилевича отъ 8. XI. 1843 г.

²) Я. Э. Головацкій (1814—1888), профессоръ русской словесности въ львовскомъ университетѣ до 1867 г., до смерти директоръ городского архива въ Львовѣ, авторъ многочисленныхъ изслѣдованій („Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, т. IV. Москва, 1878), подалъ въ „Кіевской Старинѣ“, 1883: „Въ Станиславовѣ, кромѣ классическихъ и другихъ школьныхъ книгъ, молодой Вагилевичъ пріобрѣлъ вкусъ къ чтенію книгъ и частнымъ образомъ познакомился съ лучшими произведеніями нѣмецкой и польской литературы, и настолько, что, поступивши въ университетъ, онъ, при своей счастливой памяти и усидчивости, былъ достаточно развитъ“.

Осенью того-же года Иванъ Вагилевичъ переѣхалъ во Львовъ, въ центръ литературнаго и культурнаго движенія галицкаго края. Тутъ записался на „философію“, къ которой относился очень небрежно: онъ просидѣлъ на ней вмѣсто двухъ, полъ въ семь лѣтъ. Слѣдуетъ это пояснить крайне напряженными обстоятельствами 30-ыхъ годъ въ прошломъ вѣка: студенческая молодежь почти не имѣла времени на учебу; она была цѣлкомъ охвачена политическими событіями и романтическими мечтаніями о своемъ народѣ. Иванъ Вагилевичъ, умъ чрезвычайно живой и подвижной, былъ поэтомъ и одновременно прилежнымъ собирателемъ памятниковъ старины. Безсвязными мыслями онъ блуждалъ въ разныхъ словесныхъ теоріяхъ и читалъ все, что ему подъ руки попало: и цвѣтистую лирику Мицкевича и народные пѣсни Вука Караджича, и научныя труды Востокова.

Въ 30-ыхъ годахъ достигъ славянскій романтизмъ наибольшей своей высоты и ширины. Въ это время Иванъ Вагилевичъ сблизился съ Маркіаномъ Шашкевичем¹⁾ и Яковомъ Головацкимъ, началъ переписываться съ заграничными учеными, Шафарикомъ и Погодинымъ, и, чтобы зачерпнуть новыхъ силъ для своихъ научныхъ работъ предпринялъ путешествіе по галицкимъ деревнямъ („пошелъ въ народъ“). Вмѣстѣ съ Я. О. Головацкимъ, онъ измѣрилъ своими шагами далекій путь, отъ Львова до Дикаго, гдѣ графъ Янъ Тарновскій имѣлъ въ своей библиотекѣ много церковнославянскихъ книгъ и русскихъ рукописей. Потомъ онъ самъ нѣсколько разъ бывалъ среди гуцуловъ и бойковъ и записывалъ ихъ обычаи, символику, суевѣрія, діалектическія особенности, пѣсни и старину.

Сначала духовная власть относилась къ Вагилевичу снисходительно и дружелюбно. Онъ получилъ особую комнату, въ которой свободно могъ заниматься своими работами; потомъ, однако, пошла на него двойная нагонка: со стороны духовнаго начальства и тайной австрійской полиціи. Не обращая на это вниманія, онъ не падалъ духомъ, безъ разрѣшенія въ 1835 г. выбрался вторично въ Карпаты, чтобы въ старыхъ пещерахъ и руинахъ найти слѣды доисторическихъ памятниковъ и славянскаго письма. Это былъ мозольный и полный энтузіазма трудъ, но его не умѣло оцѣнить тогдашнее духовное начальство.²⁾

Въ 1839 г. Иванъ Вагилевичъ окончилъ богословіе, но потому что находился подъ полицейскимъ надзоромъ и считался неблагонадежнымъ для австрійской имперіи, не могъ получить рукоположеніе въ священники. Правительство отказало ему въ *titulum mensae*, и это было первымъ препятствіемъ къ достиже-

¹⁾ Маркіанъ Шашкевичъ (1814—1843) умеръ молодо, не успѣвъ развернуть своего дарованія; вмѣстѣ съ Вагилевичемъ и Головацкимъ разсматривается, какъ творецъ народной словесности на галицкой землѣ и какъ такой приобрѣлъ славу народнаго стихотворца и проповѣдника.

²⁾ П. Свѣнцицкій остро упрекнулъ это начальство: „Działalność Waglewicza zwróciła na się uwagę duchownej jego zwierzchności, która nie zdolna była pojąć szlacheckich pobudek; nie wiedząca o życiu ducha, młodego pracownika winnym znalazła i na ukaranie zasługującym“. „Siolo“, 1866.

нію духовнаго сана. Однако, съ другой стороны, имѣемъ неопровержимыя доказательства, что онъ самъ сильно колебался; передъ молодымъ фантазеромъ стоялъ тяжелый выборъ: риза и село, или наука и свѣтъ? Послѣдней возможности онъ преданъ всюю своею огненною душою, ибо отличался го. ячимъ увлеченіемъ историческими и филологическими изслѣтованіями. Онъ не зналъ и не могъ знать, что дѣлать съ собою. Нѣкоторое время онъ мечталъ о выѣздѣ за границу,¹⁾ потомъ надѣялся получить кафедру русской словесности для студентовъ богословія въ Перемышлѣ²⁾. Но надежда на полученіе мѣста обманула, а на путешествіе не хватало средствъ.

Наконецъ консисторія исключила Вагилевича изъ списка кандидатовъ духовнаго сословія³⁾; онъ нашелся въ неотрадномъ положеніи, хотѣлъ записаться на хирургию и за средствами обратился къ М. П. Погодину. Послѣдній послалъ ему нѣсколько разъ гонораръ за литературныя статьи для русскихъ журналовъ⁴⁾. Такая помощь была неудовлетворительной. Недостатокъ средствъ съ каждымъ днемъ становился чувствительнѣе. И потому не удивительно, что онъ радостно воспользовался предложенною ему помощью польскаго магната, графа Іосифа Дунинъ Борковскаго⁵⁾, который отвелъ ему у себя квартиру, далъ платье, кушаніе и служащую. Началась беспорядочная, полная авантюръ⁶⁾ и любовныхъ приключеній жизнь.

¹⁾ „Wagilewicz hat seinen theologischen Cursus vollendet, ist aus dem Seminarium au getreten, und sollte jetzt heiraten. Allein ich höre, er hat dazu keine Lust und will auf die Reisen in die Welt“. Письмо Шафарика къ М. П. Погодину отъ 22. VII. 1839.

²⁾ „У насъ въ Перемышлѣ отворена катедра русскаго языка. Буде нарокъ, я маю крѣпку надежду тамки бути професоромъ. Тогда добръ буде вывязати ся въ моихъ обя. аюши, совершити всѣ труды литераторскіи“. Письмо Вагилевича къ Погодину отъ 1. I. 1839.

³⁾ Siolo. 1866. „Jan został wykluczonym z listy kandydatów do stanu duchownego. . robiono mu zarzut, że uniji nie sprzyja, gdyż w rozmowie prywatnej zdarzyło mu się chwalić biskupa Bałabana.“

Письмо митр. Мих. Левицкаго въ К. К. Landes-Präsidium отъ 9. III. 1841. Wagilewicz soll mit dem russischen Professor Pogodin bis jetzt im Verkehr seyn .. bekanntlich, dass die russischen Gelehrten ihre Arbeiten gegen die Union richten. Es heisst endlich, dass Wagilewicz... mit Fussreisen über Galizien beschäftigt ist, um für sie literarische Beiträge zu sammeln. Eine solche Beschäftigung giebt zu erkennen, dass Wagilewicz an seinen geistlichen Beruf nicht denke, dass er zu diesem Beruf nich mehr tauglich sey“. Копесподенція Якова Головацького в літах 1835—1849. Видав д-р Кирило Студинський. Львів, 1909.

Реляція суда отъ 21. V. 1841. Тамъ-же: die gr.-kath. Theologen J. Golo-wacki und J. Wagilewicz in den hierortigen Akten nur insoweit kompromitirt erscheinen, dass ein als Zeuge aufgetretener geheimer Anzeiger diese beiden Theologen als Mitglieder eines Vereines, der eine russische Tendenz hatte, bekannte, welchem der Seminarzögling Sz-szkewicz vorstand“.

⁴⁾ Письма Вагилевича къ Погодину отъ 9. IV. 1843 и отъ 1. VIII, 1845.

⁵⁾ Борковскій (1809—1843) былъ потомъ и поклонникомъ греческой литературы. August Bielowski: „Żywot Józefa Dunina-Borkowskiego“. Biblioteka Zakładu Ossolinskich. T. VI Lwów, 1843.

⁶⁾ Головацкій подаль въ „Кіевской Старинѣ“ 1883 нѣсколько примѣровъ авантюръ Вагилевича, что не понравилось Омеляну Огоновскому: „Головацкій споганивъ память колишняго своего товариша и пріятели“ (Исторія литературы рускои, ч. IV Львовъ, 1894) но это не помѣшало ему воспользоваться почти буквально сообщеннымъ матеріаломъ Головацкаго. Не удалось такъ же и Франку опровергнуть Головацкаго. Въ фрагментахъ „До біографіі Івана Вагилевича“. Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка, т. LXXIX. Франко вывелъ

ченій жизнь Вагилевича¹⁾ на протяженіи пяти лѣтъ, подернутая густымъ туманомъ до сихъ поръ²⁾. Когда же ему бѣда надоѣла до живого сердца, онъ завелъ знакомство съ дѣвицею Амаліею Пекарскою, сиротою — родственницею священника Сологуба изъ села Павлова, и получивъ разрѣшеніе отъ митрополита, сталъ съ нею подъ вѣнецъ. Примиреніе произошло благодаря изданію малорусской грамматики³⁾ въ 1845 г. Принявъ священіе, онъ не оставилъ надежды на свободную, мірскую жизнь и просилъ Погодина выхлопотать ему мѣсто профессора славянской филологіи въ Петроградѣ или Варшавѣ⁴⁾. Когда это намѣреніе не увѣнчалось успѣхомъ, онъ переѣхалъ въ село Нестаничи, гдѣ несъ, душевно томясь, взятую на себя тяжесть. Живя въ глухой деревушкѣ, онъ съ тоскою ожидалъ спасенія.

И вотъ грянулъ громъ революціи съ весною 1848 года, ставшаго въ жизни австрійскихъ славянъ чрезвычайно важнымъ событіемъ: яркимъ пламенемъ блеснуло зарево конституціи, зашатался деспотизмъ Габсбурговъ, зарисовался рѣшительный переломъ, славянскіе народы подняли бунтъ противъ нѣмецкаго насилія. Зашевелились и галичане; они организовались, какъ могли и знали, основали „Русскую раду“, создали „Соборъ русскихъ ученыхъ“, въ полномъ согласіи съ правительствомъ.

Никакая сила не могла задержать Вагилевича въ селѣ. Безъ разрѣшенія своего начальства онъ оставилъ приходъ, и, какъ отъявленный противникъ германскаго напора нашелся въ рядахъ революціонной польской гвардіи, подготовляющей возстаніе. Польскіе магнаты-патріоты⁵⁾ поручили ему работу надъ дѣломъ примиренія русскаго населенія съ польскимъ. Одновременно, когда шли совѣщанія „Собора русскихъ ученыхъ“, былъ образованъ „Русскій соборъ“, органомъ котораго сталъ „Dnewnyk Ruskij“

на свѣтъ такое, во что трудно даже повѣрить: Вагилевичъ любилъ одновременно нѣсколькихъ женщинъ разнаго происхожденія: полекъ, нѣмокъ, евреекъ, и тѣ были отъ него матерями; онъ велъ разгульную, безтолковую, даже развратную жизнь, за что заплатилъ болѣзнью.

1) Ф. И. Свистунъ: „Любовное приключеніе Ивана Вагилевича“. Вѣстникъ Народнаго Дома. Львовъ, 1906.

2) Въ письмѣ Вагилевича къ Головацкому отъ 1. V. 1843 читаемъ: „Мій колышный другъ, а потомъ не знати що. г. Іосифъ Дунинъ-Борковскій“, а в письмѣ отъ 9. XI. 1843: „чи проститъ менѣ Марыся мою розвратную жизнь? Знаешь, о чѣмъ гадаю: много о менѣ говорено ажъ на Покутю, а не дуже честного“. Кореспонденція Я. Головацкаго 1909.

3) „Я издалъ свою граматіку малоруску, что мене примирило съ митрополитою, однакъ подано ми кондиціи: 1) могилы не розкопувати, 2) не мати общенія съ иностранными литераторами, особенно русскими“. Письмо къ Погодину отъ 13. I. VIII. 1845. Кромѣ того, Вагилевичъ отбылъ наказаніе. „Derselbe musste sich nämlich dem processus canonicus unterwerfen, der, eine Erfindung des Metropolitens, eine Art geistlicher Inquisition sein soll“. Я. О. Головацкій: „Über die Zustände die Russinen in Galizien“. Leipzig, 1846.

4) Письмо къ Погодину отъ 8. IX. 1846.

5) „Справа русько-польської згоди була обговорювана кружкомъ польськихъ аристократів у домі кн. Пузини, де ухвалено видавати руську часопись латинськими буквами, русько — народною мовою, признаючи в основі Русинамъ їх мову“. Іван Франко: „Нарис історії українсько-руської літератури“. Львів, 1910.

во главѣ съ Иваномъ Вагилевичемъ. Вскорѣ дѣла приняли оборотъ такой, что онъ лишился куска хлѣба. Австрія при помощи войскъ Николая I. овладѣла положеніемъ во всѣхъ своихъ провинціяхъ, польское возстаніе не удалось, „Dnewnyk“, вмѣстѣ съ прочими изданіями, былъ запрещенъ, и Вагилевичъ нашелся въ до того тяжеломъ положеніи, что просилъ свое духовное начальство вернуть ему приходъ. Надо полагать, что это начальство поступило съ нимъ неосторожно, когда онъ на предложеніе подвергнуться реколекціямъ, отвѣтилъ переходомъ въ протестантское вѣроисповѣданіе,¹⁾ порвавъ разъ на всегда со своимъ прошлымъ. Это была глубокая трагедія наболѣвшей души, которая рвалась, какъ рыба въ сѣтяхъ, на свободу, но еще крѣпче запутывалась въ нити несчастной судьбы.

Злыдни не покидали Вагилевича уже до самой смерти; какъ левъ, боролся онъ съ нуждою. Въ началѣ 1851 года онъ получилъ занятіе въ Ossolineum, гдѣ прилежно сталъ приводить въ порядокъ бібліотеку. Не прошелъ и годъ, и его уволили по причинѣ протестантскаго вѣроисповѣданія. Онъ принужденъ былъ заняться корректурою чужихъ работъ, зарабатывая нѣсколько грошей въ день. Когда-то крѣпкій, красивый организмъ изсохъ, состарился, въ очахъ погасъ огонь жизни, и улетѣла буйная думка. Въ 1845. г. онъ былъ приглашенъ А. Бѣлѣзскимъ въ составъ редакторовъ словаря С. Линде: („Słownik języka polskiego“—Przez Samuela Linde. Wydanie drugie. Lwów. 1854—1860). Радъ, что нашелъ занятіе по своей специальности, Вагилевичъ вложилъ въ словарь всю свою душу, но когда изданіе окончилось, онъ опять перешелъ на горькій хлѣбъ поденнаго корректора при Краевомъ Выдѣлѣ и редакціи „Gazet-ы Lwowsk-ой“. Въ 1862 г. онъ получилъ, послѣ смерти Д. И. Зубрицкаго, мѣсто директора при городскомъ архивѣ львовскаго магистрата. Въ матеріальномъ отношеніи ему стало легче, однако, переутомленный и павшій на

¹⁾ Справка по этому дѣлу у Свѣнцицкаго такова: „W roku przeobrażeń 1848 Wagilewicz wezwany przez światlejszych obywateli kraju, wydawał we Lwowie „Dnewnyk“: pismo ruskie, czcionkami łacińskimi. Zawiść nieczna, ciemnota umysłu i przewrotność sumienia wysiliły się, by zgubę pracownika której całą duszą chciano, zacząć od upokorzenia: wyrok konsystorjalny z roku 1849 skazuje Wagilewicza na rekoлекcje, więzienie, a to tak długo aż się poprawi moralnie i politycznie. Niema dość słów oburzenia na nieczność postępków ludzi, którzy podobny wyrok wydali, karząc niewinność jak zbrodnię, a to dla tego, że występna nie była. Poddać się podobnemu wyrokowi było zrzec się i zaprzec godności człowieczej. Jan oświadczył gotowość przejścia na obrządek łaciński, gdy jednak odmówiono mu przyjęcia, został protestantem członkiem gminy ewangelickiej“. Sióło, 1856. Полное пристрасти собщеніе Свѣнцицкаго опровергнувъ Головацкій такъ: „Вагилевичъ согласился принять условія митрополита, но посовѣтовавшись съ друзьями, измѣнилъ свое намѣреніе, хотя наказаніе было пустой формальностью. Здоровый разсудокъ велѣлъ поддержать челоуѣка, имѣвшаго за собою заслуги. Вагилевичу достаточно было пойти два-три раза на colloquium а онъ, имѣвшій за собою покровительство польскихъ магнатовъ, могъ легко получить хорошій приходъ и беззаботно трудиться на литературномъ поприщѣ. Однако будто на вло митрополиту, онъ не только не явился на реколекціи, но еще принялъ лютеранство“. „Кіевская Старина“, 1883.

силахъ, онъ заболѣлъ грудною болѣзнью и умеръ 10- мая 1866 года.

Такъ печально закончилъ свою горькую жизнь Иванъ Вагилевичъ, который своимъ дарованіемъ могъ принести наукѣ большія услуги, а истратилъ его на корректуры газетныхъ статей и правительственныхъ распоряженій. Преждевременную смерть его оплакивали отецъ, 92-лѣтній старикъ (умеръ въ 18 9 г. въ с. Го-зіева, долинскаго уѣзда) и вдова съ двумя мальчиками, оставшись безъ средствъ къ жизни. За услуги, отданныя польскому дѣлу, львовскій магистратъ рѣшилъ вдовѣ дать пособіе въ суммѣ 100 золотыхъ и назвать одну изъ улицъ, по которой жилъ Вагилевичъ, его именемъ. Такъ и сдѣлано.

2.

УЧАСТІЕ ВЪ „РУСАЛКѢ ДНѢСТРОВОЙ“ И ПРОЧІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИСТОЧНИКИ: „Русалка Днѣстровая“. Будимъ, 1837. „Časopis českého Museum“. XII Praha, 1838. „Dziennik mój paryskich“. Lwów, 1843. „Dziennik literacki“. Lwów, 1866. Рукописи Ивана Вагилевича.

Дѣятельность Вагилевича началась въ 1834 году, когда въ духовной львовской семинаріи былъ основанъ студенческій кружокъ, названный впоследствии „Русскою тройцею“, который подготовилъ къ изданію альманахъ п. з. „Зоря“. Альманахъ не вышелъ изъ печати потому, что былъ духовнымъ начальствомъ подвергнутъ конфискаціи, но уцѣлѣвшія статьи и вирши легли въ основу „Русалки Днѣстровой“ — сборника литературныхъ опытовъ трехъ галицкихъ писателей: Вагилевича, Головацкаго, и Шашкевича¹⁾. То, что падаетъ на долю Вагилевича, можно раздѣлить на оригинальное и неоригинальное творчество. Къ первому принадлежатъ баллады и предисловіе къ народнымъ пѣснямъ.

Вагилевичъ написалъ всего двѣ баллады. Первая изъ нихъ, п. з. „Мадей“, въ стихахъ коломыйки, носитъ на себѣ отпечатокъ бойковскаго нарѣчія, съ примѣсью архаическихъ выраженій, и рассказываетъ о романтическомъ подвигѣ карпатскаго опричника, который, собравъ на Черной горѣ тысячу смѣлыхъ товарищей-легиней, готовится къ налету на помѣстье.²⁾ Въ природѣ появля-

¹⁾ Галицкіе критики К. Студинскій, А. Барвинскій, М. Вознякъ утверждаютъ, что Шашкевичъ былъ самымъ талантливымъ. Справедливость велитъ сказать, что его наслѣдіе весьма малое, и на основаніи этого нельзя судить о талантѣ; его поэзія — это передѣлка народной пѣсни, плачь сироты, тоска дѣвушки, лихая судьба. Ни одной выдающейся работы, поэтической и научной, Шашкевичъ не оставилъ.

²⁾ На высокой Черногорѣ
Буйны вѣтры вѣютъ;
На зеленой полонинѣ
Сѣры волки выютъ.

Тысячъ коней вороненькихъ
Въ байракахъ ирзае,
Тысячъ гарныхъ легиниковъ
Коники сѣдае.

*

А ватажко, сивый Мадей,
Зморщивъ густы брови;
Черны очи заблищали
Та жаждою крови.

ляются недобрыя предсказанія. Дружина совѣтуетъ Мадею не уходить изъ горь, но онъ всетаки отправляется въ походъ, попадаетъ въ плѣнъ и въ вязницу, гдѣ пропадаетъ отъ тоски по волѣ и товарищамъ. Здѣсь не трудно уловить вліяніе народной пѣсни о разбойникѣ Олексѣ Добошѣ, который бытъ грозою на всю Гуцульщину и Бойковщину въ половинѣ XVIII вѣка. Выступленіе грознаго опричника отбилось громкимъ отзвукомъ не только въ пѣсни, но и въ произведеніяхъ галицкихъ писателей: Николая Устіяновича („Страстный четвергъ“), Юрія Федьковича („Довбуш, або храмовий топір і знахорский хрест“). Трагедія въ пяти актахъ.) и Шухевича: „Гуцульщина“, 5 т., 1899—1905.

Вторая баллада п. з. „Жулинъ и Калина“, названная Вагилевичемъ сказкою, дышитъ сильной властью музы Адама Мицкевича. Нѣкоторыя мѣста цѣликомъ взяты изъ народной словесности. Банальное содержаніе этого произведенія таково: На Днѣстрѣ глухая ночь. Бурныя волны клекочутъ грозою. Въ темнотѣ ходитъ Жулинъ, зоветъ милую, по его винѣ утонувшую дѣвушку. Однако является другая, красавица Калина, которой Жулинъ сразу признаетъ свою любовь. Вдругъ изъ воды выходитъ страшная вѣдьма — первая любовь Жулина и приглашаетъ его въ свои палаты на днѣ Днѣстра. Юноша отворачивается отъ нея, и та мститъ обоимъ: на разсвѣтѣ найдены на берегу два трупа. Карія очи Калины выпиваетъ воронъ, Жулина не касается птица.

„Предговоръ къ народнымъ пѣснямъ“, до нашихъ дней печатаемый въ школьныхъ пособіяхъ для гимназій и учительскихъ семинарій, является поэзіею въ прозѣ. Вагилевичъ использовалъ въ немъ возрѣнія романтиковъ на народную словесность и на ея памятникахъ создалъ свой идеаль и свою вѣру о родномъ народѣ. Соціальныя и строго историческія отношенія его тогда еще не интересовали. Поэтическими красками онъ изображалъ древнюю очаровательную Русь, какъ рай на землѣ¹⁾, и народныя пѣсни раздѣлилъ такъ, какъ это сдѣлалъ польскій этнографъ Вацлавъ изъ Олеска²⁾ а именно: на обрядъ, думы и думки, о которыхъ онъ имѣлъ въ то время скудные познанія.

Неоригинальные опыты Вагилевича въ „Русалкѣ Днѣстровой“ незначительны: 20 думъ и думокъ, вмѣстѣ съ „лелѣiallyною“ пѣсенкою: „Ходитъ сонъ коло вѣконъ“, 7 колядокъ изъ Калушины, 3 гаивки изъ Золочевщины и 20 свадебныхъ пѣсенъ (ладканья) изъ разныхъ сторонъ: Перемышля, Стрыя, Бережанъ и Золочева.

Въ 1838 г. появились чешскія стихотворенія Вагилевича, переведенныя изъ русской рѣчи на чешскую. Это были отрывки изъ „Краледворской рукописи“, извѣстнаго фальсификата Вацлава

¹⁾ „Вся Русь була селомъ райскихъ птицъ и дикѣвъ. Ясні небеса одѣвали ю чистою опанчею. Міръ отдыхавъ любовію. Рускій народъ бувъ великимъ и величавымъ, порозумѣвъ, обнявъ природу, чтивъ и до серця пригортавъ, и бувъ миръ, и гараздъ, и любовь взаимна“ — писалъ Вагилевичъ, стараясь доказать, что рускій народъ въ старину жилъ беззаботною жизнью, вездѣ и всегда напѣвая свои чудесныя былины.

²⁾ Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie, 1833.

Ганки, какъ откликъ Яна Коцбка п. з. „O králedworském rukopisu, s obzvláštnjm ohledem na ginoslowanské překlady“. ССМ. XII ročník. svázek III. Praha, 1838. На 397 стр. помѣщена: „Kytyce“, zruštena Wahylewičem, pisana prawopisem českým. Кितिца — это вѣночекъ, который нашла дѣвушка въ чистомъ колодязѣ, приговаривая: когда стало бы мнѣ извѣстно, кто тебя бросилъ въ колодязь, за того я вышлабы замужъ. „Roze“ (роза) изображаетъ дѣвушку, которая безъ милаго парня вянетъ и сохнетъ, одинокая въ полѣ. Такой-же грустью отличается „Opustena“ (покинутая) На стр. 409—413 находимъ „Sud Libusin“ (судъ Любуши, сказочной княжны чешскаго племени). Пѣсня есть тоже подлогомъ Ганки, но въ то время была принята, какъ произведение XI или XII вѣка. Эти переводы Вагилевича не уступаютъ виршамъ Шашкевича; стиль у нихъ легкій, размѣръ звучный.

Библиографъ Иванъ Левицкй,¹⁾ говоря о Вагилевичѣ, сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Въ польскомъ журналѣ *Mód paryskich*, 1840, 1841 гг. находятся польскіе стихи И. Вагилевича. Заглавія этихъ стиховъ не въ состояніи я навести, такъ какъ въ львовскихъ публичныхъ библіотекахъ нѣтъ ни одного экземпляра упомянутой часописи“. Въ настоящее время, имѣя въ рукахъ всѣ рукописи Вагилевича, точно можно сказать, что его польскіе стихи, при помощи Дунинь Борковскаго, появились въ названномъ журналѣ²⁾ подъ криптонимомъ J. D. (Jan Dalibor), въ слѣдующемъ порядкѣ: „*Piosenka życia*“ (1841, №5), „*Odpowiedź*“ (№ 8), „*Czem są marzenia?*“ (№ 13) „*Teśknota*“ (№ 14) и „*Sportkanie*“ (1842, стр. 29). Всѣ эти лирическія пьесы были отзвуками студенческихъ лѣтъ Вагилевича, крѣпили его душу и служили для него источникомъ лучшихъ наслажденій; это замѣтно по обработкѣ. Вотъ какъ красиво звучитъ у него, на примѣръ, щедрая ласками *Piosenka życia*:

Cicho, ciszej brzmi piosenka,
Miła, słodka, pełna dumy.
A po szybach zza okienka
Wtórzą piosnce nocne szumy.

Cicho, ciszej! I głos matki
Uśpił dziecko, śpi dziecina,
Bo na oczka sen nierzadki
Wabi, zwabia pieśń matczyna.

I duch dziecka, dziecka czucie
Tak się z matki śpiewem łączy,
Że pamięta o tej nucie
Starzec, kiedy życie kończy.

¹⁾ „Галицко-русская библиографія XIX ст.“ (1801—1886). Составилъ И. Е. Левицкй. Львовъ, 1887/8.

²⁾ *Dziennik mód paryskich* (1841), за подписью J. D., напечаталъ еще статью: „*Meyerbeer*“, посвященную памяти знаменитаго композитора „Гуггеннотовъ“, о которомъ авторъ говоритъ, что не былъ „*Niemiec, ani Włoch. ani Francuz, ale własność całej ludzkości*“.

3.

СНОШЕНІЯ СЪ ЧЕХАМИ.

ИСТОЧНИКИ: Casopis Českého Museum. Praha, 1838, 1839, 1840, 1841. Письма Вагилевича къ Погодину, 1836—1842.

Въ 30-ыхъ, годахъ XIX в. получилъ мѣсто чиновника во Львовѣ живой и весьма подвижной чехъ, Карлъ Владиславъ Запъ,¹⁾ который какъ всѣ его земляки-романтики, усердно проводилъ въ жизнь идею взаимной работы славянъ, особенно въ области словесности. Съ этой цѣлью онъ завелъ, руководясь чисто идейною стороною дѣла, знакомство съ Головацкимъ и Вагилевичемъ. Оба они не знали чешскаго языка на столько, чтобы писать на немъ литературныя статьи; ихъ переводилъ изъ русскаго языка Запъ и черезъ Шафарика посылалъ въ Casopis Českého Museum, который силится стать всеславянскимъ сборникомъ и радо печаталъ работы славянскихъ ученыхъ и писателей. Такимъ образомъ началась связь Вагилевича съ чехами, благодаря чему нѣсколько его студенческихъ опытовъ появилось на чешскомъ языкѣ.

И такъ, въ 1838 г. напечаталъ Шафарикъ статью Вагилевича, безъ его подписи: „Rozhorecké geskyně. S wupodobnenjm párisu“. ССМ. XII ročník, II swázek. Praha, 1838 (стр. 197—215). Вступительное слово полно фантастическихъ разсужденій о бытѣ славянъ-язычниковъ; затѣмъ идетъ рѣчь о пещерахъ,²⁾ какъ памятникахъ древне-славянскихъ жилищъ и святынь, недалеко селенія Розгорье, стрыйскаго уѣзда³⁾. Эти пещеры находятся въ высокой скалѣ на взгорьѣ, названномъ поселянами: Увизною. Вагилевичъ задалъ себѣ немало труда, осматривая скалу; онъ точно описалъ ея положеніе и отрисовалъ тайные знаки, принявъ ихъ за руническое письмо Бѣлохорватовъ, которое они позаимствовали у кельтовъ; это заклинанія природы, привѣты восходящему солнцу и гимны въ честь божествъ. Знаки, выкутые долотами, свидѣтельствуютъ о высокой культурѣ карпатскихъ жителей. Но прочесть ихъ Вагилевичъ не былъ въ силахъ и ключъ къ развязкѣ оставилъ знатокамъ кельтійской рѣчи. Слѣдуетъ отмѣтить, что Шафарикъ, напечатавшій статью, старался убѣдить читателя въ томъ, что она не грѣшитъ противъ правды⁴⁾ но

¹⁾ Karl Vladis'av Zap (1812—1871) плодовитый писатель и археологъ, написалъ о Галицкой Руси: „Cesty a procházky po halické zemi“. Онъ перевелъ такъ же на чешскій языкъ путешествие по Карпатамъ Я. Э. Головацкаго: „Cesta po halické a Uherské Rusi“. ССМ. Praha, 1839, 1840.

²⁾ Обширное извѣстіе о памятникахъ этикъ подаль Я. Э. Головацкій: „Объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившейся въ Галичинѣ и Буковинѣ Виленскій Вѣстникъ, 1869.

³⁾ V. A. Francev: „Korespondence Pavla Josefa Safarika“. Cast I. V Praze, 1927. Стр. LXXXIV—LXXXVI. Cast II: J. N. Vahilevič (биографія и 7 писемъ).

⁴⁾ Přjdawek od P. J. Safarika: Sepsaj to pochádzj od hodnowerného muže w Haliči, kterýž národním naukám slowanským, obrzwłáště garkozpytu, národopisu a starobylostem cele oddán gest, a kterýž to, o čemž zde srawa podáva, po dwakráte sám očima swýma spatřował, na místě wyšetrowal zmeřil a popsal. My, ať wyznáme upřjmně, patrné srownalosti mezi pjsmeny těmilo a celtickými anelo ginými staroewropejskými nenacházeme.

самъ не повѣрилъ въ то, что письмо происходитъ отъ кельтовъ. Такимъ способомъ, Шафарикъ, деликатно поставилъ статью Вагилевича подъ вопросительнымъ знакомъ. Выводы мечтательнаго студента развѣялъ на старости лѣтъ его сподвижникъ и пріятель Я. Э. Головацкій, который, будучи еще въ Галичинѣ, осматривалъ пещеры и въ знакахъ долженъ былъ признать „размытые дождемъ и сыростью слѣды именъ посѣтителей¹⁾“. Сначала, однако, статья Вагилевича вызвала въ наукѣ большое любопытство, и профессоръ Погодинъ перепечаталъ его знаки въ своей „Древне-русской исторіи домонгольскаго ига“ (Москва, 1871, т. III), подводя ихъ къ сибирскимъ т. н. „чудскимъ письмамъ“ проф. Христиана Френа²⁾ (Frähn). Объективно говоря, догадка Вагилевича³⁾ основана на ошибкѣ, такъ какъ письменъ въ пещерахъ не было никакихъ; все же нужно признать, что описаніе этого доисторическаго памятника, т. е. скалы и пещеры, вѣрно и точно.

Въ статьѣ „Nuculowé, obywatelè wychodnjho pohojj Karpatského“ — od D. Wagilewice ССМ. XII. ročník, svázek I. Praha, 1838 (стр. 474—498); ročník XIII, svázek I. Praha 1839 (стр. 45—68) — поданы фантастическія свѣдѣнія о гуцулахъ, будтобы потомкахъ узовъ и печенѣговъ; эта смѣсь покинула свои жилища на Дону и осѣла въ восточныхъ Карпатахъ, принявъ славянскіе обычаи. Конечно, сказанное лишено исторической правды, въ чемъ вскорѣ самъ авторъ сознался.⁴⁾ Дальнѣйшая часть статьи, какъ начало этнографическихъ и діалектологическихъ изслѣдованій, имѣетъ огромное значеніе. Вагилевичъ вѣрно отмѣтилъ у гуцуловъ любовь къ свободѣ, мстительность за причиненную имъ обиду, суевѣрія о дѣдахъ, мавкахъ и вѣдмахъ, веселіе при звукахъ инструмента въ горахъ, на полонинахъ. Въ діалектѣ онъ нашелъ много чужихъ словъ⁵⁾ (арканъ, банувати, быгарь, чабанъ, дука гелетка, грунь, легинь, мериная, фрело) и синонимовъ (дѣвка-регезуля, гора-магура, лазъ левада, звыръ-яруга). Въ общемъ говоря, статья не выкончена, какъ слѣдуетъ. Вагилевичъ думалъ пополнить ее и напечатать по русски, но это не удалось ему осуществить.⁶⁾

Наука должна считаться съ очеркомъ: „O upjrech a widmach, od Dalibora J. Wahylewice. ССМ. XIV ročník, III svázek. Praha 1840 (стр. 232—261) Авторъ собралъ для него въ народѣ богатый матеріалъ,⁷⁾ изъ котораго въ чешскомъ журналѣ напе-

1) Я. Э. Головацкій: „Къ исторіи галицко-русской словесности“. Кіевская Старина (1883 т. VI.).

2) Х. Френъ (1872—1851), проф. Казанскаго университета, былъ знаткомъ восточныхъ языковъ и нумизматики.

3) Смотри письма Вагилевича къ Погодину отъ 22. IX. 1836 и 13. XII. 1836, и письмо Погодина къ Вагилевичу отъ 24. V. 1836: „Письмена, Вами описаны, очень сходны съ письменами древнѣйшихъ руссовъ, найденными недавно нашимъ ориенталистомъ Френомъ у арабскаго писателя X вѣка“.

4) Письмо къ Погодину отъ 1. I. 1839.

5) Эти слова Вагилевичъ считалъ печенѣжскими, что однако невѣрно; они заимствованы у румынъ.

6) Письмо къ Погодину отъ 1. I. 1836.

7) Письмо къ Погодину отъ 1842.

чатана маленькая частица, а именно предисловіе къ большому, оставшемуся въ рукописи, труду п. з. „Славянская демонологія“. Изъ чешскаго отрывка узнаемъ, что болѣзненная мысль народа и наивная его фантазія создаютъ вѣру въ демоновъ, вампировъ, волколаковъ, вѣдьмъ, утопленниковъ и разныхъ духовъ, обладающихъ двумя душами: человѣческой и сатанинской. Въ каждую новъ мѣсяца, въ ночь съ четверга на пятницу, они собираются на „лысой горѣ“, чтобы тамъ повеселиться и придумать страхи, несчастья и болѣзни для людей. Въ своемъ очеркѣ Вагилевичъ не преминулъ сообщить историческіе факты о томъ, какую роль играла въ среднихъ вѣкахъ вѣра въ демоновъ, и какъ ее использовали писатели въ періодъ романтизма.

Участіе Вагилевича въ сборникѣ чешскаго музея окончилось статьей: „*Bojkowé, lid ruskoslowanský w Haličjch*“, od Dalibora J. Wahylewice. ССМ. XV ročník, I swázek. Praha, 1841 (стр. 30—72), какъ продолженіе изслѣдованія о гуцульщинѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь уже впередъ нужно отбросить всѣ „историческія“ бредни Вагилевичъ. дитя романтизма, создалъ въ своемъ воображеніи „кельтскую“ теорію на основаніи которой вывелъ карпатскихъ бойковъ отъ „боевъ“, которые въ IV. ст. до Христа сидѣли на берегахъ средняго Дуная, потомъ перекочевали въ Белзскую землю между Сяномъ, Бугомъ и Ратою, и одинъ ихъ осколокъ переселился въ Карпаты, занявъ площадь отъ Перемышля до Зудачева (Жидачева) гдѣ совершенно слился со славянской стихіей. Въ доказательство выше изложеннаго Вагилевичъ приводитъ параллельныя названія, встрѣчающіяся въ Белзской землѣ и на Бойковщинѣ : Стырь — Стрый, Сухиль — Сукиль, и тутъ и тамъ обрѣтающіяся келтійскіе слѣды въ наименованіяхъ городовъ, селъ, горъ: Плюсы, Тепели, Кировъ, Тухля, Вархоты, Рата, Буновъ, Кульматичи. берда. Вагилевичъ родился и выросъ среди бойковъ, поэтому ихъ край и обычай зналъ хорошо. Въ его время они дѣлились на шляхтичей, кметовъ и холоповъ. Верховный урядъ въ селѣ находился въ рукахъ князя; его помощникомъ былъ тивунъ. Семейную жизнь обязывало патриархальное право: сѣдая голова была въ большомъ уваженіи. Говоръ бойковъ сохранилъ нѣсколько признаковъ дрезне-славянскаго характера, а именно : глубокое ы послѣ к, г, х, (быкы, кожухы), глухіе ъ, ь (мѣгла = могла, вѣрхъ = верхъ), сокращенныя формы во второмъ падежѣ имени прилагательнаго (съ крута берега). Наконецъ Вагилевичъ воспроизвелъ нѣсколько балладъ и значительное количество бойковскихъ пѣсенъ. Въ общемъ итогѣ его трудъ, основанный на изученіи житья-бытья бойковъ, является первымъ опытомъ галицко русской этнографіи; правда, отчасти онъ ошибоченъ, однако отличается теплой любовью къ родинѣ.

4.

СОЧИНЕНІЯ, НАПИСАННЫЯ ПОЛЬСКИМЪ ЯЗЫКОМЪ.

ИСТОЧНИКИ: „Biblioteka Warszawska“, 1841, 1852. „Biblioteka zakładu Ossolińskich“, Lwów, 1842, 1843, 1844, 1864. „Денница-Jutrzenka“. Warszawa, 1843. „Dnewnyk Ruski“. Lwów, 1848. „Dziennik literacki“, Lwów, 1852,

1854. *Dodatek tygodniowy do „Gazety Lwowskiej”*. 1854. *Słownik języka polskiego*, wydany przez S. Linde, Lwów, 1854—1860. *Kółko rodzinne*. Lwów, 1860. *„Monumenta Poloniae”*. Lwów, 1864. *„Sioło”*. Lwów, 1866. *„Руска бібліотека”*, т. III. Львовъ, 1884.

Въ польскихъ сочиненіяхъ Ивана Вагилевича пробивается глубокая и чрезвычайно богатая, архивная и библиографическая эрудиція. Въ нихъ находимъ весьма цѣнные матеріалы, источники, указанія и выписи, необходимыя для изученія славянскихъ племенъ, ихъ нравовъ и особенностей. Этими работами нельзя пренебрегать или обходить молчаніемъ, такъ какъ онѣ составляютъ большинство всего литературнаго наслѣдства, оставленнаго Вагилевичемъ. Разберемъ изъ нихъ главнѣйшія въ хронологическомъ порядкѣ.

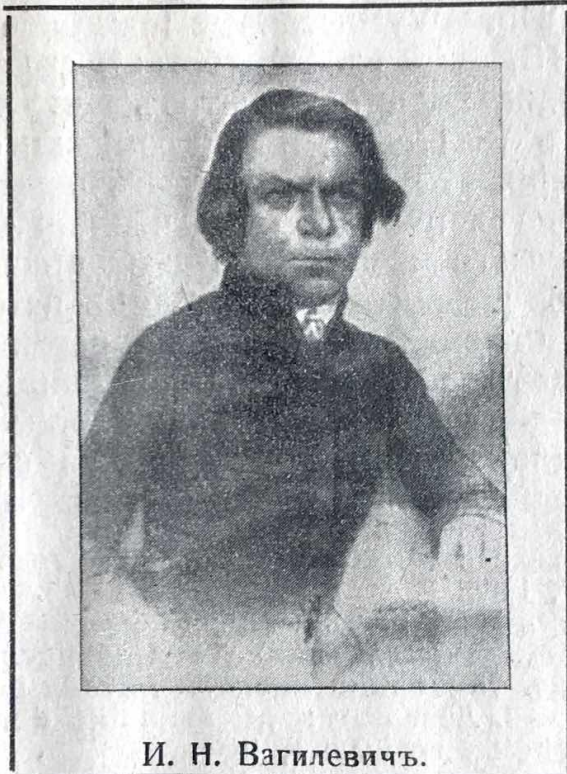
„*Pogrzeb u Słowian*“ przez Dalibora J. W, „Biblioteka Warszawska“, (т. II, стр. 648—658). Статья начинается словами летописца Нестора, подавшаго, что славяне творили тризну, тѣло сжигали на кострѣ, а пепель хранили въ сосудахъ на столбахъ при дорогахъ. За симъ идутъ наблюденія самого автора, собранныя среди простонародья.¹⁾ Въ срокъ смерти отца или матери собиралась вся семья; умирающій обращался къ собраннымъ съ просьбою, простить его всѣ прегрѣшенія; а тѣ отвѣчали: Богъ святой съ тобою. Мертвеца купали въ чистой водѣ, переодѣвали въ чистую одежду и клали въ углу хаты на „покутье“. Голову дѣвушки приукрашали вѣнкомъ изъ барвинка, василька, руты, розмарина. Вопли (въ Карпатахъ „голосѣнья“) продолжались отъ хаты до могилы, куда давали хлѣбъ, соль, медъ и деньги. Зловѣщими знаками смерти считали куванье кукушки на подворьѣ, или квиленіе пугача на крышѣ. Знаменемъ смерти была метла на воротахъ; родные ходили съ непокрытыми головами, женщины распускали по плечу волосы. Богатыхъ везли на кладбище санями, бѣдныхъ несли на ношахъ. Пмять умершихъ поминали поминками въ храмѣ и дома. Смерти боялись и поэтому выдумали много суевѣрій: красный на лицѣ мертвецъ считался упыремъ; когда онъ умеръ, не закрывъ глазъ, говорили, что въ семействѣ повторится смерть; когда затиснулъ зубы, псясняли, что покойный нанесъ кому то кривду; когдаже сквозь носъ и уста лилась кровь, то клеймили его клеймомъ убійцы.

Коротенькое описаніе какой-то русской монеты, съ затертымъ годомъ: „*Medal ruski*“. *Biblioteka zakładu im. Ossolińskich*, Lwów, 1842 (т. IV, стр. 174—175) открываетъ Вагилевичу возможность сотрудничества въ богатомъ историческими памятниками Институтѣ Оссолинскихъ. Монета, выкутая изъ смѣшанной руды, большого формата, изображаетъ ангела съ двумя крыльями, который въ правой рукѣ держитъ копье. Кругомъ находится надпись: архистратигъ Михало. На другой сторонѣ видна какая-то

¹⁾ Собранный Вагилевичемъ матеріалъ, касающійся похоронъ, свѣдѣтельствуеетъ о томъ, что смерть у славянъ имѣла характеръ экономической катастрофы; поэтому похороны отбивались среди богатыхъ драматическимъ обрядомъ и лирическихъ пѣсенъ, сохранившихся въ Карпатахъ до сегодняшняго дня.

фигура съ вилами; письмо затерлось до того, что прочитать его невозможно. Вагилевичъ пояснилъ, что архангелъ Михаилъ былъ гербомъ кievскаго княжества, и допустимо, что монета оттуда была занесена въ Прикарпатье во время Романовичей. Подъ справкою отсутствуетъ имя автора, но въ началѣ ея находимъ такое примѣчаніе: Medal ten został wyorany w Sadzawie pod Bohodczanami, w 2 dziesięcioleciu tego wieku. Jest on teraz własnością, D. J. Wagilewicza.

Уже изъ статьи „Rozhorecké geskině“ извѣстно, что анализомъ научныхъ стремлений Вагилевича было найти культурные памятники Бѣлохорватовъ въ Карпатахъ. Это была его взлелѣянная тема, которая гнѣздилась въ его умѣ постоянно, непрерывно и заставила его написать еще одну статью по тому-же

И. Н. Вагилевичъ.

вопросу п. з. „Berda w Uryczu“. Przez D. J. Wagilewicza. Biblioteka zakładu im. Ossolińskich, Lwów, 1843 (т. VI, стр. 154—168). Село Уричь¹⁾ получило свое названіе отъ рѣки и замѣтно тѣмъ, что въ немъ находится скала (берда) съ глубокой пещерою, которую Вагилевичъ отнесъ къ старинѣ Бѣлохорватовъ. Онъ описалъ ее весьма точно и подробно, наведя кругомъ справки среди населенія въ Крушельницѣ и Синеводскѣ о томъ, откуда она взялась. На вопросы онъ получилъ не лишеныя интереса отвѣты. Одни говорили, что тамъ когда-то жили „велиты“ (велить, велитень, великанъ), другіе рассказывали, что это было жилище „шелудиваго“ Буняка, который совершенно уничтожилъ богатый городъ Бычь.²⁾ Вагилевичъ сталъ болѣе осторожнымъ: обѣ поэтическія легенды онъ закончилъ скромнымъ послѣсловіемъ: moje badania są tylko materiałem uporządkowanym. Inny pisarz-widz, więcej jak ja uzdatniony, moją pracę wcieli do swojej. Dla

¹⁾ У рѣки; звукъ ѣ послѣ р отвердѣлъ и перешелъ въ ы.

²⁾ Населеніе Быча построило другой Бычь (Дрогобычь), бѣжавъ отъ орды страшнаго Буняка.

mnie dość, zem pierwszy wydarł niepamięci pomnik umictwa przedwieku naszych czcigodnych przodków Słowian, Chorwatów, pomnik wielki i święty. bo ich potem, krwią i łzami splukany i uświęcony religią.

Въ слѣдующемъ году появилась статья: „Szełudywy Bu-
niak“. Z podań ludu D. J. Wagilewicz. Biblioteka zakładu im. Os-
solińskich. Lwów, 1844 (т. IX, стр. 181—195). Въ ней не важны
историческія данныя¹⁾ о „паршивомъ“ ханѣ, который гра-
билъ Русь, а замѣчательны легенды, сказки и пѣсни про Бу-
няка, надѣленнаго въ фантазіи народа качествами сатаны,
въ видѣ изверга-человѣка, съ вывернутымъ животомъ и гла-
зами до земли: куда поглянетъ, пропасть дѣлается.²⁾

Одною изъ крупныхъ работъ Вагилевича является: „Gra-
matyka języka małoruskiego w Galicyi“ ułożona przez Jana Wa-
gilewicza, Lwów, 1845. Wytłoczono w Instytucie Stauropigiańskim.
стр. 4 + XXII + 181 + 2 въ 8^о), третья³⁾ съ ряду въ Галицкой
Руси. Въ предисловіи авторъ отмѣтилъ, что матеріалы къ ней
сталъ собирать отъ 1841 года, и на основаніи собраннаго при-
шелъ къ заключенію, что малорусская рѣчь распадается на два
нарѣчія: кievское и галицкое, что она черпаетъ свои жизненные
соки изъ великорусскаго и польскаго языковъ и имѣетъ област-
ные говоры.⁴⁾ Онъ добросовѣстно подалъ источники,⁵⁾ которы-
ми пользовался, и пояснилъ, почему придерживался этимологи-
ческаго правописанія,⁶⁾ а грамматику раздѣлилъ на четыре части:
этимологию словъ, синтаксисъ, ортоэпію (произношеніе звуковъ)
и прозодію (удареніе). Остановливаясь на сихъ деталяхъ не
приходится, такъ какъ онѣ общеизвѣстны. Здѣсь необходимо

¹⁾ Лѣтопись монаха Ломниковскаго подъ 1699 годомъ; Іоанникій Галя-
товскій „Небо новое“, 1665.

²⁾ Сравни повѣсть Н. В. Гоголя: „Вій“.

³⁾ Первою была „Аделфотис, грамматика доброглаголиваго еллино-
словенскаго языка къ наказанію многоименитому россійскому народу“
Львовъ, 1591; второю — І. Левицкаго: „Grammatik der ruthenischen oder
kleinrussischen Sprache“. Перемышль, 1834.

⁴⁾ Вагилевичъ твердилъ, что кievское и галицкое нарѣчія общи на
столько, что не являются особыми языками. Къ особенностямъ малорусской
рѣчи онъ зачислилъ: полногласіе, перемѣну а на о (рабъ-робота) и наобо-
ротъ о на а (таваръ, грамата); е на о (жона, шоломъ, одинъ, олень); о на і
(стілъ).

⁵⁾ Грамматики русскаго языка Греча и Востокова.

⁶⁾ Вагилевичъ отстаивалъ убѣжденно этимологическое правописаніе по
слѣдующимъ соображеніямъ: а) въ нѣкоторыхъ говорахъ (карпатскихъ и сѣ-
веро-малорусскихъ) о (столь, вошь) не совсѣмъ перешло въ і такъ-же л въ
третьемъ лицѣ прошедшаго времени не совсѣмъ перешло въ в; б) чтобы из-
бѣжать азбучнаго хаоса; в) чтобы задержать традицію, историческую связь
съ сочиненіями древне-русской словесности. Изъ эгого видно, что Вагиле-
вичъ вполне рационально и логически подходилъ къ своей задачѣ и созна-
тельно излагалъ свои убѣжденія, подвергаясь злостливой критикѣ. Свѣнциц-
кій писалъ: „kto w Galicyi pisząc po rusku, przytrzymuje się etymologii, bez
względu na to, czy posługuje się czcionkami cyrylskimi, hrazdanką, czy pol-
skimi, i ten z wiedzą albo bezwiednie dąży do moskwicyzmu“ („Słowo“ III.
1866), что съ научной точки зрѣнія слѣдуетъ назвать абсурдомъ, какъ и то,
что: gramatyka Wagilewicza nie uczy języka ruskiego, ale służy utopjom zaco-
fanym którzyby chcieli powstrzymać rozwój mowy ludowej nałożeniem jej pę-
cerkiewszczyzny, prostą drogą, wiodącej do zmoskwicenia języka“.

подчеркнуть, что Вагилевичъ изложилъ ихъ ясно, понятно и научно такъ, что на его грамматику смотрѣли тогда, какъ на цѣнный вкладъ въ русскую филологію.¹⁾

„*Monastyr Skit w Maniawie*“, przez D. J. Wagilewicza. Z dwoma rycinami. Lwów, 1848. Nakładem Kajetana Jabłońskiego. Drukiem zakładu Stauropigiańskiego (стр. 24 въ 8^о). Книжонка состоитъ изъ трехъ частей: описаніе монастыря, объясненіе текста и двухъ грамотъ.²⁾ Руины манявскаго скита лежатъ въ лѣсистыхъ горахъ, выше поточка Скитца, что вливается въ Маняву. Скитъ возникъ въ концѣ XIII ст., когда Кіевъ подвергся разоренію татаръ. Большія заслуги около него положилъ монахъ Іовъ. Когда въ концѣ XVIII ст. монастырь, по приказу Іосифа II, пересталъ существовать, то про него пошли въ народѣ разныя легенды,³⁾ и богомольцы такъ-же, какъ раньше, тянулись со всѣхъ сторонъ, чтобы помолиться на могилѣ игумена Іова.

Еще сегодня годится къ чтенію хорошо обработанная статья: „*Św. Metody*“. J. W. „*Dziennik Literacki*“, Lwów, 1852 (№ 32), излагающая по рукописи синодальной бібліотеки въ Москвѣ (изданной Шафарикомъ въ 1852 г. въ Прагѣ), жизнь и дѣятельность Меодія въ велико-моравскомъ княжествѣ. Вагилевичу удалось не только рассказать, какъ работалъ славянскій апостоль, во имя Христа, но и промолвить къ сердцу читателя теплымъ словомъ. Святитель принадлежалъ къ разряду людей, которые не любятъ выставлять свою личность на видъ;⁴⁾ стеченіе обстоятельствъ, по милости Провидѣнія, подарило ему дѣятельную и смѣшанную съ горемъ жизнь: это былъ подвижникъ, который свое уче-

1) Въ біографіи Вагилевича сказано, что изданіе грамматики примирило его съ митрополитомъ, и онъ былъ рукоположенъ въ священники. Б. А. Дѣдвický, который въ половинѣ прошлаго вѣка былъ наибольшимъ авторитетомъ галицко-русской словесности, высказался („Слово“, 1866) такъ: „покойный (Вагилевичъ) положивъ великіи заслуги для нашей словесности изданіемъ своей грамматики, не заперечимо, одной зъ наилучшихъ“. Проф. Огоновскій замѣтилъ въ „Исторіи литературы руской“. Львовъ, 1894: „Вагилевичъ не выробивъ собѣ яснаго понятя про водносини руской мовы до языкѣвъ польского и россійского, позаякъ думавъ, що тая мова, котра впливає на розвѣй обохъ сусѣднихъ языкѣвъ, уважае ся нарѣчемъ. А вжежь наука про окремі прикметы языка малоруского въ загальній часті переднього слова (стр. II—XII) має и тедець ще стѣйно́сть наукову“. Самъ авторъ грамматики признавалъ ея значеніе, хотя скромно отдалъ ее на судъ знатоковъ: „o swojem dziele nic nie mówię; jeśli jest dobrem, nie potrzebuje żadnego zalecenia, jeśli zaś lichem zalecać go daremną było by pracą“.

2) Первая отъ 1667 г., изъятая изъ митр. архива во Львовѣ, говоритъ объ отношеніи еп. Шумлянскаго къ монастырю и его исповѣдываніи вѣры; вторая отъ 1667 г., изъятая изъ губернскаго архива во Львовѣ, содержитъ привилей молдавскаго воеводы Іліи Александра, на основаніи котораго скитъ получилъ село Манявецъ.

3) Легендами и коментаріями Вагилевича пользовался Антоній Могильницкій, писавшій отъ 1843 до 1852 г. свою поему: „Скитъ манявскій“, пѣснотвореніе эпическое, основане на повѣстехъ престонародныхъ русскихъ“.

4) Сравни А. Brückner: „Die Wahrheit über die Slawenapostel“. Tübingen, 1913.

не умѣлъ поддержать собственнымъ примѣромъ и шелъ къ своей цѣли, не боясь ни угрозъ, ни послѣдствій.

Долгое время собиралъ Вагилевичъ научные матеріалы для своей исторіи о ѳрако-иллирахъ, которую однако не судилось ему напечатать; только маленькій отрывокъ, въ видѣ рецензіи, появился въ печати п. з.: *Jana Wagilewicza wywód początków Słowian od Trako Illyrów*“, z powodu „Wstępu krytycznego do Dziejów Polski“, przez A. Bielowskiego. „Biblioteka Warszawska. 1852. (т IV. стор. 528 – 550) Статья читается съ трудомъ, такъ какъ заполнена научнымъ колоссальнымъ аппаратомъ изъ исторіи древнихъ народовъ; мысль же ея въ главнѣйшихъ чертахъ такова: среди древнихъ народовъ большое значеніе имѣло ѳрако-иллирійское племя, которое вышло изъ глубины Азіи, черезъ Малую Азію пришло въ Европу и заняло территорію между Днѣпромъ и Двиною, мѣшаясь съ готами, сарматами, литовцами; въ IV ст. по Христѣ оно жило въ Скиѳии, а потомъ вмѣстѣ съ гуннами жило въ Дакии и Панноніи, гдѣ слилось съ славянской стихіей.

Продолженіемъ статьи былъ отрывокъ п. з. „*Związek dziejów polskich ziemi morawskich*“. Dziennik literacki, Lwów, 1854, №№ 9, 12,) гдѣ говорится, что въ составъ велико-моравскаго княжества, при князьяхъ Ростиславѣ, Моймирѣ и Святополкѣ входила и Польша, и что миссіонеръ Кириллъ окрестилъ Семовита, князя на Вислѣ. Характерное обращеніе редакціи къ читателямъ свидѣтельствуется о томъ, что она не беретъ на себя отвѣтственности за выведенныя гипотезы.¹⁾

Въ 1854 году Вагилевичъ занялся переводомъ изъ нѣмецкаго языка на польскій рецензіи Осанна: „*O fragmentach Troga wydanych przez Bielowskiego*“, Dodatek tygodniowy przy „Gazecie Lwowskiej“. 1854 (№№ 47, 48, 49). Фридрихъ Готтлибъ Осаннъ, профессоръ филологіи древнихъ языковъ, горячо заинтересовался напечатанными „фрагментами“ и откликнулся на нихъ рецензіей въ „*Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*“. Leipzig (Band LXX. Heft I), не признавъ, понятно, за ними авторства Трога.²⁾ Бѣлѣвскій палъ жертвою неосторожности, такъ какъ былъ болѣе историкомъ, чѣмъ филологомъ.

Въ продолженіи шести лѣтъ Вагилевичъ трудился усердно надъ словаремъ польскаго языка: „*Słownik języka polskiego*“, przez M. Samuela Bogumiła Linde. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone, staraniem i nakładem Zakładu Narodowego imienia Os-

¹⁾ „Podajemy pod sąd czytelników ustęp z rozprawy niepospolitego znawcy dziejów ojczystych, Jana Dalibora Wagilewicza. Całkowita ta rozprawa ma nadpis: „Wywód początków Słowian od Trako-Illyrów“. Autor przechodzi w niej, krok za krokiem, wszystkie pytania dziejowe we „Wstępie krytycznym, poruszone, rozstrząsa je z wielką znajomością rzeczy i sumiennością i takowe według powodostreżonych świadectw prostuje lub poprawia“.

²⁾ Pompeius Trogus, жившій при римскомъ Кесарѣ Августѣ, написалъ много работъ, изъ которыхъ „*Historiae Philippicae*“ (44 книги) пропали безслѣдно; объ этихъ книгахъ знаемъ изъ выдержекъ Марка Юстина, который жилъ при Антонинѣ. Найти что-нибудь изъ писемъ Трога, было бы большою заслугою для науки и человѣчества.

solnińskich. Lwów, 1854—1860. Главнымъ редакторомъ этого изданія былъ, нѣсколько разъ упомянутый Августъ Бѣлѣвскій, который въ помощь, за весьма малымъ вознагражденіемъ, взялъ себѣ Вагилевича; такъ какъ Бѣлѣвскій не былъ знатокомъ ни русскаго, ни церковно-славянскаго языковъ, то пользовался совѣтами Діонисія Зубрицкаго, или чаще всего передавалъ всѣ вопросы по этимъ предметамъ Вагилевичу для рѣшенія.¹⁾ Онъ переводилъ корректуру, самую кропотливую часть работы при изданіи словаря, дѣлалъ филологическія поясненія, исправлялъ слова и обороты церковно-славянскаго, русскаго и прочихъ славянскихъ языковъ, и сравнивалъ рукописи. Головацкій²⁾ Коцовскій³⁾ и Огоновскій⁴⁾ единодушно твердятъ, что основная отвѣтственная работа при изданіи словаря почивала на Вагилевичѣ, какъ наиболѣе подготовленномъ къ сему филологу. В „Domowieniu“ (т. VI, 1860) А. Бѣлѣвскій увѣдомилъ читателей, что Вагилевичъ приготовилъ добавочный томъ къ словарю Линде, однако въ печати онъ не появился.

Маленькая статейка съ полной подписью Вагилевича „Rozciągki Lwowa“ въ „Kółko rodzinne“ (pismo tygodniowe), Lwów, 1860 (№ 7, стр. 111), имѣла чисто информативный характеръ. Первое упоминаніе о городѣ находимъ въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1259 годомъ при отмѣткѣ о пожарѣ Холма, до того стихійномъ, что былъ виденъ изъ Львова. Первобытное положеніе города нужно искать въ Знесеньи; въ 1261 г. князь Данииль, по приказу хана Батыея, разрушилъ свое дѣло, вмѣстѣ съ Даниловымъ и Сторожкомъ. Вторично городъ былъ основанъ въ началѣ XIV ст. Львомъ Мстиславичемъ, внукомъ Даниила⁵⁾

Татарскій погромъ въ Восточной Европѣ уничтожилъ множество культурныхъ памятниковъ; и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что значительное число достижений древней Руси пропало въ дыму татарскаго огня. Къ счастью, однако, не все погибло. Древняя Русь можетъ повеличаться такими вещами, какихъ не имѣетъ ни одинъ славянскій народъ, а именно былинами, Словомъ о полку Игоревѣ и лѣтописями, всесторонне изслѣдованными наукою. На послѣднія въ польской исторической наукѣ обратилъ внима-

1) Въ предисловіяхъ словаря читаемъ: „Nie mało też trafnych postrzeżeń udzielił nam znany z wzorowej pracowitości swojej literat P. D. Zubrzycki... nigdy byśmy temu nie podotali, gdyby nie gorliwa pomoc P. Jana Wagilewicza... P. Janowi Wagilewiczowi za pilne przygotowanie rękopisów... Po Bogu, winieniem oświadczyć wdzięczność tym gorliwym ojczystego języka miłośnikom, bez których pomocy i wsparcia dzieło, szczęśliwie dziś ukończone, nigdyby nie było przyszło do skutku“ (т. I, 1854, т. II, 1855, т. VI, 1860).

2) „И такъ вышелъ польскій словарь подъ редакціей А. Бѣлѣвскаго 1854—1860, а между тѣмъ это былъ усидчивый, добросовѣстный трудъ Вагилевича“. Кіевская Старина, 1883.

3) „Бѣлѣвскій филологомъ зовсѣмъ не бувъ, а зъ всѣхъ его сотрудинокъ при выданью сего словаря одинъ Вагилевичъ знавъ словянску грамматику“. Руска бібліотека, 1884.

4) „Исторія литературы русской“, 1894.

5) Болѣе точныя вѣдомости о Львовѣ въ изслѣдованіяхъ И.И. Шараневича: „Вѣстка о стародавнемъ Львовѣ“ (1861) „Где стоялъ Львовъ“ (1876).

не Августъ Бѣлевскій, издавшій „*Latopis Nestora*“. *Monumenta Poloniae*, Lwów, 1864 (т. I, стр. 521—862). Изданіе, вмѣстѣ съ ядреннымъ переводомъ на польскій языкъ, было въ подавляющей части трудомъ Вагилевича, что подтверждаютъ русскіе и польскіе критики.¹⁾ Въ началѣ весьма старательной диссертациі находятся снимки лѣтописи по своду Лаврентія; потомъ слѣдуетъ научный разборъ толкователей, какъ Ludwig Schlözer: „*Russische Annalen*“. Göttingen, 1802—1809, проф. Тимковскій: „*Лѣтопись Несторова*“, Москва, 1824; Fr. Miklosiĉ, „*Chronica Nestoria*“, Vindobonae, 1860. Къ тексту приложены обширные, зачерпнутые изъ разныхъ источниковъ комментаріи.

Такъ-же, благодаря помощи Вагилевича, были изданы Бѣлевскимъ: „*Monomacha nauka i list*“, *Monumenta Poloniae*, 1864 (стр. 863—886) и „*Żywot ś. Błażeja*“. *Nowoodzyskany zabytek polszczyzny w początku XV wieku*. „*Biblioteka zakładu im. Ossolińskich*“. Lwów, 1864 (т. IV).

Не желая отходить отъ предмета, въ этотъ отдѣлъ включаемъ одинъ переводъ изъ русскаго и работы, писанныя латинской и русской азбуками.

Будучи большимъ поклонникомъ путешественника-этнографа, Адама Чарноцкаго,²⁾ Вагилевичъ перевелъ его русскую работу на польскій языкъ п. з. „*Drogi komunikacyjnej w starożytnej Rosyji*“. *Biblioteka zakładu im. Ossolińskich*, Lwów, 1843 (т. VII, стр. 111—138 и т. VIII стр. 75—102). Разборомъ перевода нѣтъ надобности заниматься, такъ какъ не принадлежитъ перу Вагилевича, но за нимъ нужно признать глубокое знаніе русскаго языка и исторіи и удачныя поясненія на основаніи разныхъ лѣтописей.

Одновременно по русски и польски появился отзывъ на „*Uwagi nad rozprawą Bielowskiego: Początkowe dzieje Polski*“. Замѣчанія Волка Заклики на статью А. Бѣлевскаго: Первоначальная исторія Польши. „*Денница-Jutrzenka*“, Славянское обозрѣніе за апрѣль, стр. 46—47, за июнь стр. 207—215, за августъ, стр. 121—133), Варшава, 1843. Вагилевичъ хвалитъ Бѣлевскаго, за его объемистый трудъ среди польскихъ писателей вдумчивымъ историкомъ, обладающимъ большимъ талантомъ, глубокой эрудиціей и знаніемъ своего предмета; потомъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о Хорватіи-Руси, безъ сомнѣнія, съ гораздо болѣе проникновенной мыслью, чѣмъ А. Бѣлевскій, и поддерживаетъ свой взглядъ ссылками на греческія и русскія лѣтописи, на письма Фотія и Константина Багрянороднаго.

¹⁾ Въ предисловіи читаемъ; „*Wyznajemy z wdzięcznością, żeśmy korzystali z trafnych niektórych nad tym zabytkiem postrzeżeń p. Wagilewicza nam udzielonych, i takowe razem z innemi tu dołączyliśmy*“.

²⁾ Адамъ, Зоріанъ, Доленга, Ходаковскій, Чарноцкій (1784—1825) проложилъ, первый среди славянъ, дорогу къ доисторическимъ памятникамъ славянской старины: „*O słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem*“, 1818. Образъ его жизни, скитанія среди народа, глубокая вѣра въ возрожденіе славянства нашли много подражателей.

Въ статьѣ: „Замѣтки о русской литературѣ“. *Zamitki o ruskoj literaturi*. „*Dnewnyk Ruski*“. Львовъ, 1848 (№№ 5, 6, 8) Вагилевичъ старался дать сжатый обзоръ южно-русской словесности отъ начала до его дней. Изъ нея видно, что авторъ не имѣлъ времени для того, чтобы матеріаль основательно обработать: въ ней нѣтъ ясной связи, про одного и того-же автора говорится въ двухъ или трехъ мѣстахъ, въ дѣленіи отсутствуетъ систематическая цѣлостность. Разсмотрѣвъ важнѣйшія сочиненія древней Руси (договоры съ греками, Русскую правду, Лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ), Вагилевичъ дальше остановился на литовско-польскомъ періодѣ русской словесности: тогда русскій языкъ имѣлъ полныя права гражданства, сдѣдался официальнымъ въ канцеляріяхъ, администраціи, судѣ и школѣ. Въ XVI ст., только послѣ уніи, началось вліяніе польскаго языка, изъ чего получалась иногда непонятная смѣсь.¹⁾ Довольно точно перечислены писатели XVII и XVIII. С. Климковскаго и И. Доброловскаго назвалъ Вагилевичъ „риѣмомазами“, вирши которыхъ и сравнивать не могутъ съ народными пѣснями, „прекрасными мирскими пѣснями“. Къ лучшему повернулось въ XIX в., съ появленіемъ Котляревскаго, Метлинскаго, Костомарова, Гребенки (Гребенька) и Шевченка. Изъ галицкихъ писателей упомянуты Балагуръ (Я. Э. Головацкій), А. Могильницкій, Осипъ Левицкій, какъ авторъ грамматики. Въ свое время „Замѣтки“ отличались всѣми чертами ученой диссертации. Кажется, что это была часть работы, которую готовилъ Вагилевичъ, желая получить кафедру русскаго языка, появившаяся нѣсколько мѣсяцевъ раньше такой-же работы Я. Э. Головацкаго: „Три вступительныя преподаванія о русской словесности“, 1849. Для насъ важно то, что „Замѣтки“ являются въ Галичинѣ первымъ научнымъ обзоромъ русской словесности и послужили пособіемъ для составленія такихъ-же работъ позже. Очеркъ Вагилевича былъ перепечатанъ Игнатіемъ Онышкевичемъ, который исправилъ нѣкоторыя авторскія и типографскія ошибки, въ „Руской библіотекѣ“ 1884, ч. III, вмѣстѣ съ переводомъ „Повѣсти о полку Игоревомъ“; переводъ основанъ вѣрно и строго на древнемъ текстѣ, въ немъ задержаны древнія слова, и не можетъ быть двухъ мнѣній, что Вагилевичъ пользовался великорусскими переводами.²⁾

5.

РУКОПИСИ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ИСТОЧНИКИ: „*Siolo*“, 1866. Библиотека „Народнаго Дома“. *Manuscripta Instituti Ossoliani*, № 2411. Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“. Москва, 1880. Корреспонденція Я. Головацкаго в літахъ 1835—1849“. Кирилла Студинскаго. Львовъ, 1909.

Большинство литературныхъ произведеній Ивана Вагилевича

¹⁾ „При конци XVI вѣку началъ на русскій языкъ изливати вліяніе языкъ польскій. Изъ початку вліяніе сее было непоказное, обнято въ кѣлька реченьяхъ и зворотахъ; изъ временъ уніи религійной литовско-польскои Руси съ костеломъ римскимъ 1596 года що разъ больше розширяеть ся, такъ що на послѣди повсталъ якійсь галиматіясь, котрый часто ровумѣлъ лише самъ писатель“.

²⁾ Письмо Вагилевича къ Погодину отъ 22. IX. 1936.

ча осталось въ рукописяхъ, которыя, послѣ его смерти, получилъ Августъ Бѣлѣвскій. Первое извѣстіе о нихъ подалъ П. Свѣнцицкій: „*Rekopisma pozostale po św. p. J. Wagilewiczu*“. „*Sioło*“, 1866 (т. III, стр. 159—168; т. IV стр. 155—160). Къ нѣкоторымъ онъ сдѣлалъ свои краткіе коментаріи. Послѣ смерти Бѣлѣвскаго рукописи прибрѣлъ для своего музея извѣстный любитель старины и ученый А. С. Петрушевичъ: въ настоящее время онѣ находятся въ библиотекѣ „Народнаго Дома“ во Львовѣ, по ул. Курковой № 14, въ трехъ картотекахъ: I тетради 1—15, II тетради 16—23 и III тетради 24—49. Считаемо необходимымъ довести до вѣдома читателей хотя бы ихъ заглавія, чтобы могли судить объ объемѣ сочиненій Ивана Вагилевича.

1) *Grammatik der klein-russischen Sprache*. Въ рукописи много матеріала, который не вошелъ въ грамматику 1845 года.

2. Колядки, собраны изъ рѣжныхъ сторонъ Галичины русскими семинаристами, упорядкованы Д. Вагилевичемъ.

3. *Do dziejów Polski. Dzieje północnej Rusi, Korutanów, Bułgarów, Rzeczypospolitej Dubrownika, Serbów, północnych Serbów, Czechów, Mogoty, Norwegia, Dania, Szwecia*.

4) *Uwagi nad rozprawą: „Początkowe dzieje Polski“*, przez A. Bielowskiego.

5. *Demonologia. Różne zapisy do etnologji słowiańskiej. Zarysy do Demonologii. Upiory i widmy. Wilkołaki. Topielcy i topielicy. Straczące. Ziemiany. Dziwi męże i dziwe żony. Korkieźniki i kokieźnicy. Latawce i latawice. Rusałki. Majki. Torki. Dziody. Szkrety. Ogniany. Wiatry. Raaszki. Chochliki. Łeteki. Robaki. Pikuliki. Skarbniki. Anioły. Czarty. Biesy. Diabły. Złędni. Dziw. Jędzy-baby. Kościeje. Wodniki*.

6. *Kronika ludu. Z demonologii słowiańskiej*.

7. *Szełudywy Buniak*.

8. *Symbolika słowiańska*.

9. *Pisarze polscy Rusini* (біографіи около 50-ти писателей и перечень ихъ литературныхъ трудовъ).

10. *Pisarze łacińscy Rusini* (11 писателей).

11. *Poezje*: 1) a) *Lryka*: dumki „*Wspomnienie*“ (1835), „*Życie*“ (1836), „*Tęsknota*“ (1838), „*Stance do M. Z.*“ (1839), „*Spotkanie*“ (1840), „*Rezegnacja*“ (1840), „*Terazniejszość*“ 2) (1841), b) *Dumy* „*Pleśniańsko*“, „*Dobryłów*“, „*Wucz*“, „*Dniestr*“. Это поэзія въ прозѣ, навѣянная патріотическими воспоминаніями: начинается: „уже бо, братіе, невеселая година встала“. c) „*Epika*“ „*Upior*“ (поэма въ трехъ частяхъ), d) *Dramatyka* „*Maria*“.

12. *Zródła o mieszkańcach starożytnej Europy*.

13. *Bibliografia europejska*.

14. *Kronika Nestorowa*.

1) Владиміръ Коцовскій отмѣтилъ, что нѣкоторыя стихотворенія Вагилевича находились у Кестлиха (Koestlich). Я заходилъ къ сыну упомянутаго Кестлиха, замѣстителю школьнаго куратора во Львовѣ, но тотъ о рукописяхъ Вагилевича ничего не знаетъ.

2) Въ началѣ motto изъ А. Хомякова.

15. Wywód początków Słowian od Trako-illyrów (1855).
 16. Wypiski z Teodora Narbuta. Dzieje starożytne narodu litewskiego.
 17. Przywileje wsi Mizuń.
 18. Pieśni. Сборникъ народныхъ пѣсенъ.
 19. Wypisy z chronik ruskich.
 20. Вынятки з „Славы доньки“ Ивана Коллара. Переводъ нѣкоторыхъ сонетовъ (7, 24, 38, 78, 161, 242, 325).
 21. Wypisy z historii ruskiej.
 22. Kronika południowej Rusi.
 23. Присутствие папъ на вселенскихъ соборахъ.
 24. Mitologja (мѣсяць, звѣзды, дождь).
 25. Rusyny pomynajut swoich horewatelej do opryskych watażkow.
 26. Бранка.
 27. Всячина.
 28. Сельская дѣва („Маруся“ Квитки-Основяненка).
 29. Остафій Дашкевичъ (дума лыцарская).
 30. До зори (стихотвореніе И. Гушалевича).
 31. Kaukaz (поэма Т. Шевченка).
 32. Всячина.
 33. Иванъ Подкова (поэма Т. Шевченка).
 34. Розговоръ простолюдиновъ.
 35. Z Włodzimierza Monomacha: „Duchownaja“.
- Вторая часть рукописей Ивана Вагилевича хранится въ библиотекѣ Института им. Оссолинскихъ во Львовѣ: Inwentarz rękopisów. Tom IV, 1926. Manuscripta Instituti Ossoliani, № 2411, въ трехъ сборникахъ.
36. Studya historyczne (222 страницъ in folio).
 37. Dzieje narodu polskiego od r. 1058 do 1090: Mestko. Rugia. Założenie klasztoru w Mogilnie. Królestwo Galicya. Kanonizacja św. Stanisława. Tablica geneologiczna.
 38. Badania filologiczne (1856, стр. 253).
 39. О uprawie języka starosłowiańskiego w Polsce.
 40. Słowo o роѣку Igorowym.
 41. Коледа.
 42. Праздникъ „коляда“, 1837 и 1838.
 43. Пѣсни (сборникъ 1837).
 44. Грамоты русскія (19 грамотъ изъ 1383 — 1132 и 5 грамотъ изъ 1546—1648 гг.).
 45. Wskazywacz historyczny i chronologiczny.

Владиміръ Коцовскій подалъ, что кое-что изъ рукописей Вагилевича имѣлъ его пріятель Платонъ Костецкій, но все погибло („заподѣлось“); что именно потерялось, теперь трудно сказать. По свидѣтельству Коцовскаго у А. С. Петрушевича хранился „словарь“ Вагилевича; однако въ его музеѣ этотъ отсутствуетъ, какъ и трудъ: „Faraonowie egipscy“, который, какъ твердитъ тотъ-же критикъ, долженъ находиться въ библиотекѣ Оссолинскихъ. Проф. Огоновскій полагаетъ, что „авторъ“ (т. е. Вагилевича)

вичъ) не встигъ переписатьи ей“. Судя по письмамъ къ Погодину 1843 г., нѣкоторыя рукописи Вагилевича („Pogrzeb u Słowian“, „Wesele u Słowian“, „Miecz buski“, „Halicz“) должны быть въ Россіи, въ редакціи „Москвитянина“.

Рукописи Вагилевича написаны густымъ, битымъ, чрезвычайно старательнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ; лежатъ съ 1866 года нетронутыя, ожидая своего времени и мецената, который вынесетъ ихъ изъ сумерковъ и пыти на свѣтъ дня, на судъ науки, критики и читателей.

*

Иванъ Вагилевичъ велъ широкую корреспонденцію съ славянскими учеными. Говоря о рукописяхъ, Свѣнцицкій намекнулъ о ней нѣсколькими словами: *Korespondencja uczona Wagilewicza*“. *Sięło*, 1866 (т. III). Въ статьѣ сказано, что Вагилевичъ находился въ перепискѣ съ тогдашними видными учеными: чехами Шафарикомъ, Запомъ и Шульцомъ, поляками Бѣлѣвскимъ и Мацѣвскимъ и русскими Бодянскимъ, Головацкимъ, Лукашевичемъ, Срезневскимъ и прочими.¹⁾ Полныхъ 10 лѣтъ (1836—1846) продолжалась его связь съ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, съ которымъ дѣлился своими успѣхами. Эта переписка была напечатана въ сборникѣ: „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“. Москва, 1880 (выпускъ III, стр. 622 — 651) и перепечатана Игнатиємъ Онышкевичемъ п. з. „Листы до М. П. Погодина“. Руска бібліотека. Львовъ, 1884 (т. III. 159 — 189). Письма, за подписью „Далиборъ Иванъ Николаевъ Вагилевичъ“ въ количествѣ 12, съ большимъ трудомъ²⁾ шли въ Москву двумя путями, черезъ Прагу, посредствомъ Шафарика, и черезъ Броды, граничный городъ, посредствомъ Гартенштейна, торговца книгами. Вагилевичъ отправилъ больше, чѣмъ 12 писемъ, но не всѣ получалъ Погодинъ; когда оказалось, что путь черезъ Гартенштейна ненадеженъ, пришлось Вагилевичу прибѣгнуть къ помощи графа Осипа Дуиня Борковскаго. Послѣднія письма изъ Москвы получало Ossolineum. Наконецъ нѣсколько писемъ Вагилевича къ Головацкому напечатаны К. Студинскимъ въ „Кореспонденціи Я. Головацкаго“. Львовъ, 1909, а нѣсколько находится въ варшавскомъ музеѣ.³⁾

¹⁾ Въ рукописяхъ Вагилевича находится бумага съ подписями ученыхъ, съ которыми онъ велъ переписку.

²⁾ „Охъ, бережите съе, будьте обачны, щобъ зде не було горя“ (1896). P. S. „Вы ніякого листу одъ мене не переньели. Звѣстно, що мои листы передержаны, отъ лебонь ужъ пропали“.

³⁾ *Korespondencja Ks. Jana Wagilewicza, syna Mikołaja. Katalog Muzeum Narodowego. Nr. 317. Pisma Józefa Bodiańskiego, J. Głowackiego, Wsiewołoda Istomina, Platona Łukaszewicza, W. Maciejowskiego, M. Pogodina i nieokreślone. Справка, полученная изъ Варшавы.*

6.

НѢСКОЛЬКО ОБЩИХЪ ЗАМѢЧАНІЙ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВАГИЛЕВИЧА.

Источники: Аристовъ Ѡ. Ѡ.: „Карпаторусскіе писатели“. Москва, 1916. Барвинскій Олександр: „Руска читанка“. Львовъ. 1871. Брокгаузъ-Ефронъ: „Энциклопед. словарь“. Спб., 1891 (т. V, стр. 339). Bielowski August: „Wspomnienie o Janie Wagilewiczu“. Dziennik literacki. Lwów, 1866 (№№ 23—24). Головацкій Я. Ѡ.: „Über die Zustände der Russinen in Galizien“. Jahrbücher für slawische Literatur. Leipzig, 1846. Его-же: „Судьба одного галицко-русского ученаго“, „Къ исторіи галицко-русской письменности“. Кіевская Старина, 1883 и „Пережитое и перестраданное“. Сборникъ галицко-русской Матицы. Львовъ, 1886. Коцовскій Владиміръ: „Писаня Ивана Вагилевича“. Руска бібліотека И. Онышкевича. Львовъ, 1884 (т. III). Левицкій И. Е.: „Галицко-руска литература“. Зоря. Львовъ, 1881; его-же: „Галицко-русская бібліографія“. Львовъ, 1887, 1888. Огоновскій Омелянъ: „Исторія литературы руской“. Львовъ, 1894 (т. IV). Свистунъ Ф. И.: „Любовное приключеніе И. Вагилевича“. Вѣстникъ Н. Дома, 1906. Święcicki Paulin: „Jan Wagilewicz“, „Rękopisma pozostałe po J. Wagilewiczu“, „Z powodu broszury: W adin czas nauczył'sa małorusinu pa wielikaruski“. Sioło. Lwów, 1866 (т. I, III). Франко Іван: „До біографіи Івана Вагилевича“. Записки т-ва ім. Шевченка. т. LXXIX. Яворскій Ю. А.: „Къ исторіи галицко-русскихъ колядокъ“. Львовъ, 1901.

* * *

Изслѣдователи галицкой словесности будто не замѣчаютъ Ивана Вагилевича; будто его стыдятся. Между тѣмъ трудно и даже невозможно себѣ представить и уяснить дѣятельность „русской троицы“, безъ чрезвычайно трудоспособнаго Далибора; его, Руслана и Ярослава связывала одна идея, одна работа надъ „Зарею“ и „Русалкою“, всѣ три клали основы подъ родную хижину и подымали свою родину изъ духовной нищеты и паденія. Пора, безпристрастно и справедливо, сказать слово о дѣятельности и заслугахъ Ивана Вагилевича, преждевременно забытаго работника первой половины прошлаго вѣка.

Какъ ни одинъ изъ галицкихъ писателей, Вагилевичъ заплатилъ щедрую дань романтизму: едва окончилъ шестой классъ гимназіи, а уже „пошелъ въ народъ“ искать въ его толщѣ пищи для своей души. И тутъ она подъ вліяніемъ чистой природы и живой поэзіи проснулась, пробужденная къ литературной жизни лектурою на школьной скамьѣ. „Да, и быть можетъ ¹⁾, что эта величественная, древняя коляда со своимъ чудеснымъ міромъ, разсвѣтивъ мое воображеніе, пробудила мою душу изъ просонковъ. Даже быть можетъ, что она мнѣ дала перо въ руки“.

Взаимное влеченіе ихъ другъ ко другу было инстинктивное: каждый изъ нихъ дѣлился своими мечтаніями, одинъ другому

¹⁾ Письмо къ Погодину отъ 27.X. 1843 г.

давалъ новыя книжки о славянщинѣ и подсказывалъ темы къ сочиненіямъ. Однако дружба не продолжалась долго; съ увѣренностью можна сказать, что она прекратилась съ окончаніемъ университетскихъ занятій. Маркіанъ, вышедши изъ духовной семинаріи, женился и осѣлъ въ селѣ; въ 1843 г. его уже не стало въ живыхъ. Изъ воспоминаній Вагилевича о пріятелѣ студенческихъ лѣтъ осталось всего нѣсколько строчекъ¹⁾. Какія же отношенія вязали его съ Головацкимъ? Сначала они были сердечные друзья: филологія была ихъ общимъ поприщемъ. Разрывъ дружбы произошелъ въ 1848 г., а, можетъ быть, немного раньше. Друзья разошлись, даже вступили въ открытую борьбу другъ противъ друга. Яковъ Головацкій выдвинулся на постъ вождя тѣхъ русскихъ галичанъ, которые вѣрно поддерживали Австрію²⁾. Вагилевичъ, напротивъ, не видѣлъ въ этомъ союзѣ ничего хорошаго для своего народа и перешелъ на сторону революціонныхъ поляковъ. Краевой школьный Совѣтъ предложилъ его кандидатуру на кафедру русской словесности въ львовскомъ университетѣ, но это высокое назначеніе получилъ отъ вѣнскаго правительства Голозацкій, котораго поддерживала лойяльная державѣ партія, главнымъ образомъ депутатъ парламента Кириллъ Блонскій. Вагилевичъ сталъ редакторомъ непопулярнаго „Dnewпук-а“, который на № 9 прекратилъ свое существованіе³⁾. Въ ноябрѣ, 2-го числа, 1848 г. вошли во Львовъ нѣмецкія войска подъ начальствомъ Гаммерштейна, который, послѣ бомбардировки сборныхъ пунктовъ возставшихъ, объявилъ въ городѣ военное положеніе. Понятно, члены „Собора руского“ разбѣжались, и Вагилевичъ остался на улицѣ, безъ крыши и хлѣба, какъ нищій, въ то время, когда Головацкій взошелъ на наивысшую степень общественной жизни. Уже эта разительная разница въ каріерѣ должна была вызвать огорченіе Вагилевича къ другу юныхъ лѣтъ. Руку помощи подали ему Бѣлѣвскій и Малецкій, когда церковная власть наложила на него наказаніе, — и здѣсь именно завязался узелъ къ переходу въ протестантство. Изъ гнѣва и жалости къ своимъ онъ, осмѣянный и оставленный, окончательно перешелъ къ тѣмъ, кто далъ ему кусокъ хлѣба. Послѣ 1848 года не находимъ у Вагилевича ни одного слова о Головацкомъ; онъ молчалъ упрямо, и самъ Головацкій пришелъ къ его смертной постели, ибо обстоятельства опять измѣнились. Австрійская по-

1) Письмо къ Погодину отъ 26. V. 1843.

2) Точныя справки можно зачерпнуть изъ писемъ къ Якову Головацкому депутата Кирилла Блонскаго отъ 5. X. 1848 и Петра Головацкаго, брата Якова, отъ 3, XI. 1848 изъ Вѣны, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на тогдашнія отношенія галичанъ къ австрійскому правительству. „Кореспонденція Я. Головацкаго“, 1909.

3) „Dnewпук“ издавался разъ въ недѣлю на средства польскихъ магнатовъ: Сапѣги, Сангушка, Чарторыйскаго, Дѣдушицкаго. Вагилевичу принадлежитъ нѣсколько статей, между ними и „Wozwanie do inteligencji ruskiej“, гдѣ сказано: „Boh nas obrał, abyśmy wam prowadzili; to proto my prosymy was o dowirenije“. Нѣсколько экземпляровъ газетки находится въ библиотекѣ „Нар. Дом“, какъ рѣдкій библиографическій памятникъ 1848 года.

лиція зорко слѣдила и за профессоромъ университета; Головацкій уже давалъ себѣ отчетъ въ томъ, что вскорѣ можетъ очутиться въ положеніи, въ какомъ долгіе, горькіе и мучительные годы находился его когдашній другъ.

Когда внимательно разберемъ литературные труды Вагилевича, то придемъ къ заключенію, что это былъ талантливый человекъ, который упорно боролся за свою личную свободу, совѣсть, мысль и дѣло. На него смотрѣли, какъ на фантазера, однако въ настоящее время былобы несправедливо, еслибы мы промолчали о заслугахъ его въ галицкой словесности. По совѣсти мы должны признать, что, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя его работы были плодомъ буйной фантазіи, но опять нѣкоторыя являются примѣрами цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій на зарѣ галицкаго возрожденія. „У насъ е полонъ (урожай) великій, а нѣтъ женцевъ“ — писалъ онъ Погодину 9. VI. 1837, сообщая ему, что началъ въ народѣ собирать старину.

Фольклоръ занимаетъ первое мѣсто въ сочиненіяхъ Вагилевича; правду говоря, онъ умѣлъ добыть кладъ среди гуцуловъ и бойковъ, сознавая, что прокладываетъ и облегчаетъ путь для своихъ преемниковъ. Учителемъ его былъ оригинальный писатель Ходаковскій, который твердилъ, что семья славянскихъ народовъ отличается высокими качествами души, сердца и разума; такъ же изображалъ Вагилевичъ Бѣлохорватовъ, т. е. предковъ родного народа. Определеннаго взгляда у него не могло бытъ, такъ какъ тогда наука фольклора была на низкомъ уровнѣ своего развитія. Кромѣ Ходаковскаго, на него произвелъ сильное впечатлѣніе Вацлавъ изъ Олеска¹⁾, мысли котораго находимъ въ „Предговорѣ къ народнымъ пѣснямъ“, а даже въ „грамматикѣ“ 1845 года²⁾.

Живая дѣятельность Вагилевича проявилась особенно въ области славянской филологіи, которую онъ разрабатывалъ подъ вліяніемъ чешскихъ и русскихъ источниковъ прежде всего, но одновременно находимъ въ ней слѣды польской и сербской лектуръ. Это совсѣмъ не трудно прослѣдить въ его раннихъ, русскихъ произведеніяхъ: въ балладахъ, въ предисловіи къ народнымъ пѣснямъ, въ повѣсти о полку Игоревѣ, въ письмахъ къ Погодину и въ замѣткахъ о русской литературѣ, т. е. въ сочиненіяхъ до 1848 года. Въ его рѣчи встрѣчаются болѣе-менѣе такія черты:

а) Вліяніе церковно-славянскаго языка: пакъ, персть, ве-ремя, днесъ, сѣдъ, крамола; сокращенная форма именъ прилагательныхъ: сивъ (коникъ), на воронъ (коняхъ), золотъ (стремень), звѣринъ (свистъ), дажбажа (внука), золота (сѣдла); сокращенная форма именъ существительныхъ: полки (сильными), пѣсьнми,

¹⁾ Waclaw z Oleska: „Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego“. Lwów 1833.

²⁾ Собирая народныя пѣсни, Вацлавъ изъ Олеска сошелся съ русскимъ населеніемъ, языкъ котораго онъ причислилъ къ польскимъ діалектамъ. Вагилевичъ высказалъ подобное мнѣніе, добавивъ, что малорусская рѣчь въ одинаковой мѣрѣ есть нарѣчіемъ велико-русскаго и польскаго языковъ.

мечи (крыцевыми); полная форма именъ прилагательныхъ въ мн. числѣ ¹⁾: жуброви (роги), бѣленькіи (руки), чорнии (тучи), великіи (поля); спряженіе глагола съ „быти“: роздавѣ-ѣмъ, посьегли-есмо, волѣли-есте; мягченіе р, которое въ малорусской рѣчи частично отвердѣло: лѣкаръ, рыцаря, дебрею, крячуть, брящатъ, у печерьохъ.

б) Особенности бойковского говора: окончаніе охъ, ехъ: шалашьохъ, печерьохъ, пѣсньохъ, днешъ, грудехъ, изслѣдованѣхъ; мягченіе послѣ шипящихъ: заблищяли, чятовати, хашче, жель, у Бучечу, почъетокъ; перемѣна я въ е: мѣсьецъ, знетье (знаніе), кольеда, тьежко ²⁾; сокращенная форма именъ въ VI п.: глуховъ пущевъ, зеленувъ муравоньковъ, своеувъ недолевъ; твердое, глубокое „ы“ послѣ к, г, х: великій (княже); слова изъ бойковского лексикона: торонкій (великій), бовды (столбы), ворохъ (община), гранецъ (искра), думѣтовати (сомнѣваться), скопатися (собратся), шля (путь), носадъ (чолнъ), мажа (возъ).

в) Вліяніе велико-русского языка: бывалиця (былина), зати-ряти (потерять), хороше, запорчяти (испортить), витязь, иску-сити, помчяти, иськати, вовновати (волновать), понужати (принуждать), перѣжній (прежній), призракъ, тоска, жеркій (жаркій), пеня (кара), ратай, хехотати (хохотать), унылый, заборало (заборъ), нѣговати (нѣжить), одолѣти, сѣдина, сапожникъ, кровать, ожереліе, городенскій (городской), ковыль, суевѣріе, греческій, полемическій, послѣдованіе (разслѣдованіе), сочинитель, миръ (село), нравоучительный, превосходный и много другихъ словъ. Въ 1843 г. Вагилевичъ овладѣлъ русскимъ языкомъ настолько, что принялся за переводъ труда Ходаковского и составилъ авто-біографію ³⁾.

г) Вліяніе польского языка: же (что), позоръ (rozór), що сье тыче (co się tyczy), обводъ (obwód), рекомый (izekomu), жа-дати (żądać), обѣтцянка (obiecanka), барва (краска), для збавенья (dla zbawienia, для спасенія), оздоба (ozdoba, украшеніе): воз-вратное „ся“ не вязалось съ глаголомъ: Богу ся молити (Bogu się modlić), дуботъ боромъ ся шибае (tętent borem się ścieli), не тобѣ ся бити (nie tobie się bić).

д) Сербскія формы: нѣчогу, ніякогу, щирогъ. и нѣсколько чешскихъ словъ: zde (зде), гнетъ (ihned), гудьба (hudba, музыка), стратенець (zatrascený).

¹⁾ часто и въ единст. числѣ: ясное (солнце), вѣчную (память), кру-тая (рута).

²⁾ Отъ 1839 г. писалъ вмѣсто е — я съ удареніемъ: сѣноцкій, свѣга, майтесѣ.

³⁾ Письмо къ Погдину отъ 5, XI. 1843 „Какъ карпатогорець, изъ этвхъ странъ. гдѣ обитають бойки, я имѣлъ общимъ съ моими земляками привя-занность до верховья со дремучими лѣсами и глубокими оврагами, и до этого всего, съ чего состоитъ жизнь природы и челоуѣка. Знаю, что сколько разъ моя низовка стояла и смотрела на горы, изъ слезами въ глазахъ я, ребе-нокъ, съ удавленіемъ заглядывалъ на нее. Когда я былъ въ школахъ; я очень грустилъ за горами“ — вотъ образецъ языка Вагилевича за нѣсколько лѣтъ до 1848 года.

Продолжительное время трудился Вагилевичъ надъ своею грамматикою ¹⁾. Приступая къ ея изложенію, онъ прилежно изучилъ работы знатоковъ славянскихъ языковъ ²⁾ и говоры на территоріи Галицкой Руси ³⁾. Стильный и чистый языкъ грамотъ заставилъ его въ филологическихъ трудахъ неизменно стоять на основахъ церковно-славянскаго языка, что несправедливо подвергалъ критикѣ П. Свѣнцицкій: „Wagilewicz, skądinąd wielce zasłużony Słowiaństwu, pod względem językowym grzeszył bardzo.. Uroiwszy sobie, że język ruski da się rozwinąć tylko na gruncie historycznym, zerwał zupełnie z życiem i jał się obumarłych form języka cerkiewnego (Sioło, 1866, т. III). Однако не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ, что Вагилевичъ понималъ свою задачу глубже, нежели его оппонентъ-журналистъ, статьи котораго имѣли полемическій, часто политическій характеръ. Вагилевичъ усматривалъ въ церковно-славянскомъ языкѣ не сухой книжный материалъ, а первоисточникъ для діалектологии русскаго и всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ. Практическіе и научные опыты подѣлалъ онъ весьма удачно въ польскомъ словарѣ С. Линде ⁴⁾; издатель Бѣлѣвскій неоднократно подчеркивалъ, что безъ его помощи изданіе никогда не увидѣло бы Божьяго свѣта.

Такъ-же всю свою душу вложилъ Вагилевичъ въ лѣтопись Нестора; для ея толкованія нужно было имѣть хорошую филологическую подготовку. Проф. Огоновскій ставилъ его выше Головацкаго: „Треба-жъ признати, що Вагилевичъ бувъ фильольгомъ лучшимъ вѣдъ Якова Головацкаго. Труды Добровскаго, Шафарика и Максимовича були ему добре звѣстні, и вѣдтакъ при быстротѣ свого духа зъумѣвъ вѣнъ критично зладити текстъ и подати досыть добрий поясненя. Не подивуємося отже, що Вагилевичъ бажавъ р. 1846 заняти катедру „словенскои словесности“ въ Петербурзѣ, и справдѣ у Вагилевича бувъ чи-малый талантъ до фильольогичныхъ дослѣдѣвъ, мѣжъ тимъ, коли историчній его писаня суть подекуды неясні, позаякъ основувалися на дивовижныхъ гипотезахъ“. Это замѣчаніе вполне правдиво. Отличаясь хорошей памятью, Вагилевичъ накопилъ громадное знаніе и умѣлъ вывести старину живою, полную яркихъ картинъ и дѣлъ. Но не станемъ прекословить, что накопленный научный аппаратъ толкнулъ его нераздѣ на распутья, по которымъ, впрочемъ, блуждали первые изслѣдователи славянства: Шафарикъ, Добровскій, Погодинъ, Венелинъ и много другихъ.

¹⁾ Вагилевичъ боролся съ хаотическимъ правописаніемъ еще до появленія „Русалки Днѣстровой“, о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо къ Погдину отъ 13. XII. 1836. Въ слѣдующемъ году онъ написалъ ему: „Свое правописаніе я изоначивъ (перемѣнилъ) и се послѣ порады г. Шафарика, щобъ охранити сіе отъ пенѣ (хаоса) азбучной, котра, звѣсно, найневзгоднѣйшая и найнепріемнѣйшая“.

²⁾ Грамматики Добровскаго, Востакова, Калайдовича. Греча и изслѣдованія Бодянскаго, Срезневскаго, Шишкова, Снѣгирева, Максимовича, полученныя отъ Погодина.

³⁾ „Въ это время Вагилевичъ владѣлъ мучше всѣхъ насъ народной рѣчью“. Головацкій: Кіевская Старина, 1883.

⁴⁾ Słownik języka polskiego. 1854—1860.

Какъ въ исторіи, такъ и въ журналистикѣ Вагилевичу не везло: она была ему не подъ силу и надѣлала ему много враговъ. Неудачнымъ журналистомъ онъ былъ всего навсего три мѣсяца, потомъ бросилъ ее разъ навсегда, убѣдившись въ томъ, что здѣсь не сможетъ найти покоя, необходимаго для каждого, кто занимается словесностью.

Наконецъ, мы должны отмѣтить поэтическое дарованіе у Вагилевича, которое чувствуется не только въ его стихахъ, но и въ ученыхъ работахъ. Сухой матеріалъ никогда не могъ удовлетворить его живой души: изъ архивной пыли добытый документъ въ его рукахъ перевоплощался въ картину, полную дѣятельной жизни съ чудесными вѣрованіями, хороводами и пѣснями древнихъ славянъ.

* * *

Иванъ Вагилевичъ — это не только передовой писатель галицкаго возрожденія, но и одинъ изъ выдающихся зодчихъ галицкой филологіи и этнографіи. Разбирая его жизнь и произведенія, находимъ много интереснаго матеріала изъ области этихъ предметовъ, узнаемъ старину Прикарпатя и душу русскаго населенія, ибо все, что имъ написано даже польскимъ языкомъ, тѣсно связано съ его исторіей. Въ началѣ своей дѣятельности онъ былъ восторженнымъ патриотомъ и смѣлымъ глашатаемъ единства русскихъ племенъ, о чемъ неопровержимо свидѣтельствуется его письмо къ Погодину отъ 13. студня 1836 г.: „оба есмы сынове святой Руси, и въ моемъ сердцѣ зъ лѣтъ дѣтвацихъ очутилось всдрыглѣнье и сожалѣнье веленіемъ идъ услуги ей, а се переводитъ едино въ душѣ моей про величіе прежнихъ отцѣвъ и своихъ сокраянъ“. Онъ съ огнемъ въ очахъ говорилъ о Галичѣ и сохранилъ къ нему любовь и тогда, когда былъ своими осужденъ, когда перешелъ въ чужой намъ станъ.

Львовъ, 1932.

